

Кельтские сказки, рассказанные детям

Луи Чисхолм

Celtic Tales, Told to the Children

Louey Chisholm

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of Celtic Tales, Told to the Children.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Celtic Tales, Told to the Children

Автор: Луи Чисхолм

Дата выхода: 1 февраля 2005 [eBook #7488]

Последнее обновление: 7 апреля 2014 г.

Язык: Английский

Аккредитивы: Подготовлено Джульет Сазерленд, Клэр Эллиотт, Бренданом Лэйном, и командой онлайн-распределенной корректуры.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK CELTIC TALES, TOLD TO THE CHILDREN ***

КЕЛЬТСКИЕ СКАЗКИ РАССКАЗАННЫЕ ДЕТАМ

BY LOUEY CHISHOLM

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ КЭТРИН КЭМЕРОН

КРИСТОФЕРУ

ПРИМЕЧАНИЕ

Эта небольшая книга была написана после прочтения нескольких вариантов сказок: "Старые кельтские романсы" д-ра Джойса; "Кельтские предания" д-ра Камерона; "Погоня за Диармудом О'Дуибхном и Грайинн, дочерью Кормака Мак Эйрта" Стэндиша Хейза О'Грейди; "Три печали рассказывания историй" доктора Дугласа Хайда; "Смех Питеркина" Фионы Маклеод и другие переводы и пересказы.

Л.К.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Один из моих друзей говорит мне, что тебе, маленький читатель, не понравятся эти старые, старые сказки; другой говорит, что они слишком печальны для тебя, а третий спрашивает, чему эти истории должны научить.

Я же, со своей стороны, считаю, что эти "Кельтские сказки" тебе очень понравятся. Правда, они грустные, но ведь не всегда хочется веселиться. И я рассказал эти истории не ради того, чтобы чему-то научить, а из-за их красоты, и я ожидаю, что они понравятся вам так же, как уже понравились сотням и сотням ирландских и шотландских детей, - не зная и не задаваясь вопросом, почему.

ЛУИ ЧИСХОЛМ.

СПИСОК РАССКАЗОВ

Звездоглазая Дейдрэ

Четыре белых лебедя

Дермат и Грания

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЗВЕЗДОГЛАЗАЯ ДЕЙДРА

"Ты и вправду Дейдра?"

И вот часто в юное лето они плыли на юг.

Изгородь из копий

ЧЕТЫРЕ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЯ

Когда она прикасалась к Аэду, Фиакру и Конну, три брата были такими же, как служанка.

Они уплывали далеко в тускло-серые воды.

Это был святой Кемок

ДЕРМАТ И ГРАНИЯ

Грания

Дермат

ЗВЕЗДОГЛАЗАЯ ДЕЙДРЕ

В давние времена, когда многие короли правили на Зеленом острове Эрин, ни один из них не был более великим, чем великий Конкобар. Так справедливо было его царство, что поэты воспевали его красоту, и так прекрасен был его дворец, что самые сладкие песни Эрина были посвящены его красоте.

В одном из замков этого прекрасного королевства жил Фелим, воин и арфист, дорогой королю. И было ему сказано, что Конкобар со своими главными владыками посетит замок.

Тогда Фелим устроил пир, и было великое ликование, и все люди радовались.

Но в самый разгар пира встал перед собравшимися старый маг, который был из тех, кто пришел с королем. Длинные и белые волосы падали на его согнутые плечи, черные глаза смотрели в пространство из-под мохнатых бровей.

Говори, - обратился король к старику, - говори и расскажи нам, что ты видишь, ибо мы хорошо знаем, что ты пронзаешь завесу, скрывающую от нас тайны завтрашнего дня.

Молча и с великим трепетом взирала вся компания на мудрого старца, ибо те вещи, которые он уже предсказал, разве не сбылись? Волшебник, также молча, переводил взгляд с лица одного на лицо другого, но когда его глаза упали на Конкобара, короля, они надолго задержались там, а когда он поднял их, то они остановились на Фелиме.

Тогда Мудрец произнес:

"Этой ночью, о Фелим Арфист, в стенах этого замка родится у тебя девочка. Прекраснейшей из прекрасных будет твоя звездоглазая дочь; ни одна струна арфы не даст такой музыки, как ее голос, ни одна фея не произведет такого чудесного звука. Но, о Фелим, в грядущие дни из-за этого прекрасного дитяти великая печаль придет на нашего короля Конкобара и на все его царство. В те дни погибнет главная слава Эрина, ибо если падет Дом Красной Ветви, кто устоит?"

Тогда собравшиеся на пир в страхе вскочили на ноги, и каждый положил руку на свой меч, ибо слово, сказанное мудрецом, не сбудется ли?

Пусть наши мечи будут наготове, - кричали они, - чтобы убить младенца, который родится этой ночью, ибо лучше пусть погибнет один ребенок, чем прольется кровь целого народа!

И Фелим сказал: "Велика моя печаль, что страх перед ребенком, который родится этой ночью, должен охватить вас. Поэтому, если будет угодно королю, пусть моя дочь умрет, и тогда в королевстве воцарится мир. Ибо как бы ни был дорог ребенок для моей жены и для меня, дороже все же общее благо".

Но ответа от короля Конкобара не последовало. Его душа была переполнена желанием увидеть звездоглазую деву и услышать чудесный голос. И все же рука каждого из них лежала на мече, когда король произнес.

Отбрось от себя, о Фелим, желание совершить это дело. Не склоняй свой разум к смерти собственного ребенка. А вы, люди мои, отложите мечи. Пусть младенец живет. Я, Конкобар, буду ее опекуном, и если случится несчастье, пусть оно обрушится на меня, вашего короля".

При этих словах возник принц.

Все было бы хорошо, о царь, если бы не слово, сказанное Мудрецом, ибо не он ли сказал: "Из-за этого прекрасного ребенка наступит великая печаль для царя Конкобара"? Если мы оставим младенца в живых, то народ твой увидит тебя в тяжком горе, ибо слово, сказанное Мудрецом, не сбудется?

Об этом я не забываю. Глубоко в лесу, за Болотом Одиночества, пройдут ее детские дни. Нежно ухаживать за ней будут, но глаз человеческий не увидит ее, и будет она жить в одиночестве, как птица, не достигшая половой зрелости в далекой пустыне".

Тогда народ в один голос воскликнул: "Неужели ты будешь опекать это дитя, зная о беде, предсказанной Мудрецом?"

Да, я буду опекать дитя, а когда оно станет женщиной, то будет моей женой. А если с девицей придет горе, то пусть это горе будет на мне, а не на земле".

"Что скажешь ты, о Фелим Арфист?" - воскликнул народ.

Лучше убить ребенка, чем допустить то, что было предсказано".

"А что скажешь ты, о Мудрец?"

"То, что должно прийти, придет".

В тот же миг в зал вошел слуга Фелима и громко возвестил, что родилась предсказанная девочка. "Прекрасное и сильное дитя, прекраснейшее на вид".

"И имя ей будет Дейрдре, - сказал мудрец, - Дейрдре Звездоглазая".

И благодаря словам, сказанным королем Конкобаром, жизнь младенца была сохранена, а когда прошли дни пира, Конкобар вернулся в свой дворец, взяв с собой младенца и его мать. Но через месяц он велел матери вернуться к Фелиму, своему мужу, а младенца Дейрдре оставил у себя.

И в глубине леса, за Болотом Одиночества, король велел построить домик, и когда Дейрдре исполнился год, ее отправили туда с доверенной кормилицей. Но на деревьях леса и по всей земле был провозглашен приказ короля Конкобара: кто будет охотиться или с другой целью войдет в лес, тому уготована смерть.

Раз в неделю король навещал прекрасную малышку, и ежедневно в одинокое жилище приносили еду и молоко. С каждым годом Дейрдре становилась все прекраснее, но никто не замечал ее красоты, кроме кормилицы, воспитателя и Лаваркама.

Лаваркам была женщиной, пользующейся доверием короля, и только она одна ходила туда-сюда между дворцом и домиком. Именно она рассказывала Дейрдре старые сказки о рыцарях и дамах, о драконах и феях, обитавших в Зачарованной стране.

Когда Дейрдре исполнилось семь лет, король стал приходить в лес не каждую неделю, а только два раза в год, и то когда весна пускала первые зеленые побеги, а осень собирала золотой урожай.

И когда прошло еще семь лет, король не приходил в лес ни когда земля была зеленой или золотой, ни в синее лето, ни в хмурую зиму, но от Лаваркама он слышал, что со служанкой все в порядке.

Однажды белым зимним утром Дейрдре выглянула из окна и увидела лежащего на снегу теленка. Его убила кормилица, чтобы обеспечить пропитанием маленькое хозяйство, и его ярко-красная кровь окрасила толстый слой снега. Пока Дейрдре смотрела, как течет алая струйка, черный как ночь ворон слетел вниз и выпил теплую кровь. Тогда Дейрдре улыбнулась.

Где твои мысли, прекрасное дитя?" - спросил Лаваркам, входя в комнату.

Я думала только о том, - ответила Дейдра, - что если бы нашелся юноша, чья кожа была бы белой, как снег, щеки - пунцовыми, как та лужа крови, а волосы - черными, как крыло ворона, то я бы с радостью полюбила его".

Тогда Лаваркам сказал: "Такого человека я видел, и только одного".

"Как его зовут, Лаваркам, как его зовут?" - вскричала Дейдра. Откуда он пришел и где его можно найти?

Прекраснейший из трех прекрасных братьев, этот Натос, сын Усны, и сейчас он с королем Конкобаром".

И Дейдрдре впредь не думала ни о ком, кроме Натоса, а Лаваркам был сильно обеспокоен ее словами. И когда Дейдрдре днем и ночью страстно желала увидеть этого Натоса, о котором она слышала, Лаваркам придумал план, как покончить с мечтой девы.

Однажды, идя из дворца короля, она встретила на Болоте Одиночества свинопаса и двух пастухов. И хотя она знала, что никто не может войти в лес, она привела их к колодцу в его лиственных глубинах. И сказала эта женщина, доверенная короля: "Подождите здесь, у этого колодца, пока не закричит сойка и не залает лисица. Затем медленно двигайтесь по дороге, но не говорите ни с кем из встречных, и когда вы выйдете из леса, пусть ваши уста не говорят о том, что вы видели и слышали".

С этими словами Лаваркам покинул троих мужчин и вошел в коттедж.

Пойдем, Дейдрдре, - крикнула она, - хрустящий снег блестит в лучах солнца. Давай побродим".

И Дейдра пошла, мечтательно ступая, куда вела Лаваркам. Вдруг старшая женщина отстранилась от нее и наклонилась, словно собирая лесной цветок. В тот же миг послышался крик сойки и лай лисицы. Тогда Лаваркам подошел к девушке.

Странно, - сказала Дейдрдре, - слышать крик сойки и лай лисицы, когда еще лежит снег.

Не обращай внимания на странные звуки, прекрасная Дейдрдре, а обрати свой взор к вон тому колодцу".

И когда Дейдрдре смотрела, она увидела, как во сне, формы трех мужчин, медленно идущих через лес.

"Это, Дейдрдре, люди, - сказал Лаваркам.

Но они не похожи на тех, кого я видел проезжающими через Болото Одиночества, ибо они были прекрасны на вид, но мои глаза не имеют удовольствия видеть эти странные формы".

И все же ты смотришь на Натоса, ибо эти люди - не кто иные, как три сына Усны".

Дейдра вздрогнула. Пусты твои слова, лже-Лаваркам. Вон там не ходит человек с кожей белой, как снег, со щеками пунцовыми, как кровь, и с волосами черными, как вороново крыло. Ты лжешь! И поспешила служанка, и дошла до мужчин, и предстала перед ними.

Пораженные ее необыкновенной красотой, они молча смотрели на нее. Скажи мне, сыновья ли вы Усны? Говорите!

Но от удивления перед красотой девы и в страхе перед гневом Лаваркама мужчины молчали.

Говорите!" - снова закричала она. Если вы действительно Натос и его братья, то Конкобар, король, воистину сжалился над вами".

При этих словах свинопас не мог больше молчать.

Твоя необыкновенная красота говорит нам, что ты та самая Дейрдре, которую король прячет в этом лесу. Зачем насмехаться над нами, спрашивая, самые ли мы прекрасные из знати Конкобара? Ясно, что мы всего лишь люди с холмов, я - бедный свинопас, а эти люди - пастухи".

Тогда ты, свинопас, ибо я верю твоим словам, отправляйся к сыновьям Усны и скажи старшему Натосу, что в лесу за Болотом Одиночества Дейрдре ждет его прихода. Скажи ему, что завтра, за час до захода солнца, он найдет ее у этого колодца".

Если станет известно, что я так нарушаю закон короля, я умру, но пойду с радостью".

Тогда Дейрдре оставила мужчин и медленно пошла за Лаваркамом. И хотел бы Лаваркам узнать, что сказала Дейрдре свинопасу, но девушка ничего не сказала ей, и весь тот день и все последующее утро она провела во сне.

На исходе дня Лаваркам отправился на совет с королем. И Дейрдре с большой скоростью побежала к колодцу, но там не было человека, и она долго ждала, но никто не приходил.

Пока Дейрдре ждала у колодца, Лаваркам приблизился к королевскому дворцу. И вот! На земле перед ней лежит мертвое тело свинопаса. Так стало известно Лаваркаму, что король Конкобар каким-то образом узнал, что свинопас разговаривал с Дейрдре.

Поэтому Лаваркам не пошла во дворец, а свернула в сторону лагеря сыновей Усны. И вышел к ней Натос, и она рассказала ему об одиночестве прекрасной Дейрдре и о том, что жаждет увидеть его.

Тогда Натос сказал: "Но, может быть, это еще не скоро, ибо Конкобар узнал, что прекрасная Дейдра говорила со свинопасом, и по этой причине он лежит вон там, мертвый".

Но не задерживайся, ибо если ты будешь охотиться в лесу, за колодцем, то непременно увидишь Дейрдру Звездоглазую, и никто не должен знать об этом".

Прошло семь дней, и Дейрдре бродила по лесу, мечтая о своем сне, как вдруг раздался незнакомый звук. Может, это охотничий рог, о котором рассказывал Лаваркам в своих сказках о погоне? Дева приостановилась. Рог затих. Натос, оставив охоту, бродил по поляне. Там, на фоне голубой дымки, окруженной сетью цветущего терновника, сияло самое прекрасное видение, какое только видел смертный глаз.

Натос замолчал, глядя на него как завороченный.

Наконец дева спросила: "Натос, сын Усны, чего ты хочешь?"

Странно, что ты знаешь мое имя, прекраснейшая. Ты не смертный. Если бы я только осмелился, я бы вошел в этот домик и поговорил с дочерью арфиста Фелима. Но король узнает о моем желании - это смерть".

Я - та Дейрдре, которую ты ищешь, и если я прекрасна в твоих глазах, это меня радует. Именно за тобой я долго наблюдал, ибо разве не бела твоя кожа, как снег, не пунцовы твои щеки, как кровь, и не черны твои волосы, как крыло ворона? Одиноки мои дни в этом месте, где не живет никто, кроме моей кормилицы, моего воспитателя и Лаваркама".

Никогда струны арфы не издавали такой музыки, как ее голос, никогда сказочные струны не издавали таких чудесных звуков.

Неужели ты и вправду Дейдрдре Звездоглазая, и король Конкобар держит тебя здесь, как птицу в клетке?

Ты и вправду Дейдрдре?

[Посмотреть большее изображение](#)

Я - Дейдрдре, и воля короля состоит в том, чтобы я не выходила из этого домика, а шла рядом с Лаваркамом. Ему не нравится, что я брожу по лесу одна".

Я люблю тебя, Дейдрдре, и готов служить тебе вечно.

Я люблю тебя, Натос, и хотел бы всегда быть рядом с тобой. Позволь мне бежать с тобой из этого места".

Натос в раздумье сжал брови. "Прекрасная, если нас увидят, когда мы выйдем из леса, это будет смерть для нас обоих; а если нас не увидят, это все равно будет смерть, ибо когда королю станет известно, что Дейдрдре скрылась, тогда по всей земле будут рыскать, пока ее не найдут, и тогда мы умрем".

Но, Натос, Конкобар не король в земле Альбы. Давай бежать из Эрина, и там, в твоей собственной земле, мы наверняка найдем безопасность".

Ты хорошо говоришь, храбрая Дейдрдре. Если из Конкобара в Альбу пошлют войско, то его встретит войско из моей собственной земли. А земля эта прекрасна. Ее берега благоухают сосной и водорослями, ее воды голубые, как твои глаза, а о ее заходящем солнце нельзя сказать ничего лучшего".

"Давайте отправимся в путь", - сказала Дейдра.

Пусть это произойдет сейчас и без промедления, иначе этого может и не случиться", - и когда Натос произнес эти слова, Дейдра увидела в его глазах странный взгляд, а через мгновение он метнул копье в заросли орляка в нескольких шагах друг от друга.

Какого зверя ты убил?" - испуганно воскликнула Дейдра.

Это был не зверь, - ответил Натос, - но вон там, среди орляка, лежит мертвый человек, если мое копье не промахнулось".

В страхе и удивлении Дейдрдре побежала к тому месту. Человека там не было, но она увидела на орляке фигуру скрюченного человека. Она увидела и следы его бегства.

Натос последовал за ней и наклонился, чтобы взять с земли свое копье. Рядом с ним лежал нож с деревянной рукоятью.

Я так и думал, - сказал он. Этим ножом пользуются только те горцы, которые находятся в рабстве у Конкобара. Король ищет мою жизнь. Тогда возвращайся в свой одинокий домик и жди того дня, когда он сделает тебя своей королевой".

Не проси меня не следовать за тобой, о Натос, ибо твой путь должен быть моим, ныне и присно и во веки веков".

Тогда идем, - и Натос взял ее за руку.

Они быстро шли по тенистому лесу, пока вдруг он не велел ей отдохнуть в зарослях орляка. Затем он вышел вперед и велел своим охотникам возвращаться по длинному и извилистому пути к замку сыновей Усны.

Так они добирались три дня, и Натос с Дейрдре были бы там уже на следующий день, если бы не задержались и шли темной ночью. Но посланцы Конкобара будут следовать за гончими, думая таким образом схватить Натоса.

К рассвету, Дейдра, мы доберемся до замка, и там мы сможем спокойно отдохнуть один день и одну ночь. Затем мы должны отправиться к холмам и озерам Альбы, и с нами Эйлна и Ардан, ибо если король придет и найдет меня бежавшей, то он убьет моих братьев".

Они мчались все дальше и дальше, через лес, через Болото Одиночества, по лощинам и ущельям, по холмам. Над головой мерцали бледные звезды, вокруг раздавались крики и стоны проснувшихся птиц и зверей.

Только на рассвете они присели отдохнуть на склоне горы. Там они оставались до тех пор, пока сквозь серость не пробился розовый цвет, а небо не засияло перламутром. Затем они поднялись и пошли вдоль ручья, стекавшего в долину внизу. И теперь Натос был рад.

"Смотри, Дейдра, вон там стоит замок сыновей Усны". С этими словами он издал клич, известный братьям, и Эйлна и Ардан с радостью вышли вперед. Но когда они предстали перед Дейрдре, так велико было их удивление ее необычайной красотой, что они стояли как замороженные и не произносили ни слова.

Тогда Натос сказал: "Прекрасная дева, которую вы видите, не кто иная, как Дейрдре, дочь Фелима Арфиста. С этого дня я держу ее как свою законную жену, а вам она как сестра".

Но когда братья услышали это, их охватил страх, ибо разве не поклялся король Конкобар, что эта же прекрасная дева станет его королевой? И разве не предсказал Мудрец горе, которое дочь Фелима принесет на землю?

Я не прошу никого разделить со мной горе, которое может прийти, - сказал Натос. Завтра мы с Дейрдре отправимся в бухту, где стоит наша галера, и если случится так, что мы достигнем берегов Альбы, прежде чем Конкобар настигнет нас, то там, если он придет туда, его встретит воинство из нашей собственной земли. Однако, чтобы король не последовал за мной и, не найдя меня, не попытался убить тебя, не лучше ли тебе покинуть это место?

Ардан сказал: "Не из страха перед тем, что может обрушиться на нас, но из любви к тебе и нашей прекрасной сестре Дейрдре мы никогда не покинем тебя. Если горе обрушится на тебя, пусть оно обрушится и на нас. Разве мы не дети одной матери, и если придет смерть,

давайте встретим ее вместе, как мужчины. Разве мы не связаны узами, что будем стоять друг за друга даже до смерти?

И сказала Эйлна: "Как сказал Ардан, так пусть и будет, ибо хотя слова Мудреца и сбылись, и горе настигло нас, но отныне мы не оставим тебя".

Но когда Дейрдре услышала, что сыновья Усны готовы пойти на смерть ради нее, она громко вздохнула. Увы, не мне нести горе на землю. Позвольте мне хоть сейчас вернуться в домик в лесу, и там вместе с Лаваркамом я буду жить и умру, если только Конкобар не заберет меня оттуда".

Но Ардан ответил: "Из страха перед тем, что может постигнуть нас, сыновей Усны, никогда не покидай нас и не уходи от нас, кроме как по своей воле".

Рано утром следующего дня сто пятьдесят человек вместе с тремя сыновьями Усны и Дейрдре, женой Натоса, поехали к бухте, где стояла их черная галера. Только ночью, взобравшись на высокий гребень холма, они оглянулись назад, и там, в дальней долине, где стоял замок сыновей Усны, они увидели столб пламени.

И потемнел лоб Натоса. Огонь, который вы видите в долине внизу, пожирает замок сыновей Усны. Рука, зажегшая огонь, - не кто иной, как рука короля Конкобара".

Затем они поскакали дальше и не отдыхали, пока не достигли черной галеры в золотой бухте. Запах моря, блеск его синих вод и танцующих волн придавали им сил, радости и свободы.

Что касается Дейрдре, которая никогда не видела моря и его великих чудес, то она смеялась от радости и пела песню океана, которой Лаваркам научил ее давным-давно, когда смысл ее был темным.

На закате галера подошла к берегам Мулла, и, поскольку ветер стих, они зашли в бухту, и, глядя через воду на скалистые мысы Альбы, долго обсуждали, куда им плыть завтра. Может быть, просить защиты у короля или плыть туда, где стоял замок их отца, прежде чем его разрушили?

Но в ту ночь со стороны длинного острова на севере приплыла галера. На ней плыли двадцать человек со своим вождем. А с вождем плыл богато одетый незнакомец, но с таким капюшоном, что никто не мог рассмотреть его лица.

Неотрывно смотрел незнакомец на Дейрдре, пока вождь уговаривал сыновей Усны переправиться через море в Альбу и отправиться вглубь страны к дворцу короля.

Но сначала приди, Натос, в мой замок с высокими стенами, - сказал незнакомец, - и возьми с собой жену твою и братьев твоих.

Нехорошо приходить в чужой замок и не знать его имени, - сказал Натос.

Меня зовут Ангус, - ответил незнакомец.

Тогда, Ангус, дай мне взглянуть на твое лицо, ибо нехорошо приходить в замок человека, не взглянув на его лицо".

Ангус откинул капюшон, и Натос увидел, что губы Дейрдре побелели, когда она сказала: "Не завтра, Ангус, но на следующее утро, если ты снова придешь, ты приведешь нас в свой замок с высокими стенами. За этот день мы проделали долгий путь и хотели бы отдохнуть".

Но Ангус снова повернул его к сыновьям Усны и попросил, чтобы они больше не задерживались на острове. Ночью на остров может обрушиться буря, ночью на вас обрушится воинство Конкобара, и что тогда будет с этой красавицей? Привезите ее скорее в мой замок, и пусть она отдохнет в безопасности с моей женой и ее девицами".

Но, взглянув на Дейрдре, Натос увидел, что цель ее тверда, и снова произнес слова, которые она сказала: "Не завтра, Ангус; но на следующее утро, если ты захочешь прийти снова, мы придем с тобой в твой замок с высокими стенами".

Тогда Ангус, нахмурившись, отправился вместе с вождем и его людьми на их галеру. И когда они отплыли, он спросил, сколько человек с ними у сыновей Усны. Но когда ему ответили, что их сто пятьдесят, он больше ничего не сказал, потому что с вождем плыло всего тридцать человек, а что может сделать один человек против пятерых?

Только когда чужеземцы ушли, Натос спросил Дейрдре, почему она медлит с визитом к такому великому лорду, как Ангус.

Ты услышишь, почему я не пошла в этот день и не пойду ни в какой другой, чтобы прийти в замок того, кто называет себя Ангусом. Так он себя называет, но на самом деле он не кто иной, как король Альбы. Мне это было открыто во сне, когда я увидел его победоносным над твоим мертвым телом. Натос, этот человек хотел бы украсть меня у тебя и отдать тебя в руки Конкобара".

Дейрдре мудра, - сказал Ардан. К утру послезавтра мы должны быть уже далеко, ибо, прежде чем взойдет солнце, не настигнет ли нас этот вождь с втрое большим числом наших людей?

И Натос, хотя и был сильно опечален усталостью Дейрдре, склонил голову. И они отплыли, и сквозь густой туман беззвездной ночи их галера бесшумно неслась по невидимым волнам. Но когда они подошли к северу от длинного острова, то взялись за весла, и, пока они гребли на север, Дейдра снова смеялась от радости, слушая музыку ударов гребцов.

Когда забрезжил рассвет, они приплыли к морской бухте, воды которой затеняли спящие холмы. Там им рассказали, что у короля Альбы, который называл себя Ангусом, нет замка на западе, и он уже отбыл в Дунедин. Узнали они и о том, что вождь, отплывший с ним в Мулл, больше не великий владыка, и что им нечего бояться.

Сыновья Усны очень обрадовались, ведь теперь они могли плыть на юг, к земле, на которой в детстве стоял замок их отца.

Но восемь дней простояли они у берегов морского озера, и когда его соленое дыхание коснулось щек Дейрдре, она стала еще прекраснее, а когда ее глаза впились в славу Западной Альбы, они засияли сиянием, ослепляющим зрителя.

А когда наступил восьмой день, они отплыли и поселились неподалеку от земли, на которой стоял дом их детства. И с великой радостью слышали о возвращении сыновей Усны те, кто жил на холме и на берегу, и многие собрались вокруг них, воздавая им почести.

Тогда сто пятьдесят человек, которых Натос взял с собой, отправили его обратно на свой Зеленый остров.

И ты, Эйлна, и ты, Ардан, не вернетесь ли вы? Пусть мы с Дейрдре и несколькими последователями останемся здесь в безопасности".

Но его братья не покинули Натос, ибо не были они связаны узами, что будут стоять друг за друга даже до смерти?

Всю зиму они прожили в мире и довольстве. Днем они охотились и ловили рыбу, а когда наступала ночь, Дейдра срывала со своих губ такие чудесные звуки, что их героические груди вздымались от мечтаний о благородных делах и высоких стремлениях.

Но когда весна ворвалась на землю со своим цветением и пением птиц, сыновьям Усны сообщили, что король Альбы поклялся сжечь дотла все камни, которые стояли на земле, принадлежавшей их отцу, и убить Натоса, а также жениться на звездоглазой Дейдрре.

И вот на своей огромной галере они отправились в путь, взяв с собой пятьдесят человек. Плыли они на север, через узкие морские бухты, пока не достигли гор, где в детстве жила их умершая мать.

На вершине высокого холма стоял замок, в котором она когда-то жила. Теперь он был покинут всеми, кроме бродячих пастухов и гнездящихся птиц, и здесь, во всем великолепии весны, сыновья Усны устроили свой дом. И долго еще вожди горных земель не клялись Натосу в верности и не оказывали ему почестей, и он был как царь среди людей земли своей матери.

И пока еще цвел дикий тимьян, дошла весть до сыновей Усны, что король Альбы умер и что ныне царствующий король желал бы заключить узы дружбы с Натосом и его братьями.

И узы были подписаны, и три года сыновья Усны жили в мире и великой радости. На севере они отдыхали, пока склоны гор сияли пурпуром и золотом вереска и орляка, а перед первыми заморозками плыли на юг, в страну, которой правил храбрый Усна, где теперь они могли жить в безопасности и покое.

И вот, часто в молодое лето они плыли на юг. Ни голубее синевы, ни зеленее зелени не дано было увидеть смертному глазу. И по всей земле Альбы рассказывали о славе сыновей Усны, и ни у одного поэта или барда не было такой прекрасной песни, как та, что воспевала дивную красоту Дейдрре.

И вот часто молодым летом они отплывали на юг.

[Посмотреть большее изображение](#)

В своем ослепительном дворце на Зеленом острове Эрин Конкобар обитал с мрачными мыслями о мести. Этот Натос, укравший Дейдрре из леса за Болотом Одиночества, не должен больше жить в мире. Он непременно должен умереть, а Дейдрре Звездоглазая все еще будет королевой Конкобара.

И король устроил пир, столь великолепный, какого еще не видывали на Зеленом острове. И на него были созваны все принцы и вельможи земли, над которой властвовал Конкобар.

И вот в разгар пира, когда все сидели вокруг стола, наступила тишина, и Конкобар заговорил с ними о своем недовольстве. Негоже, чтобы эти три героя королевства, Натос, Ардан и Эйлна, были изгнаны с нашего острова ради женщины, будь она прекрасна, как Май. Если наступят темные дни, нам будет очень тяжело, поэтому пусть сыновья Усны придут сюда из своего северного горного дома".

При этих словах все очень обрадовались, ибо не было ни одного, кто не знал бы, что Натос бежал с Зеленого острова, опасаясь безжалостного гнева Конкобара.

"Идите, - сказал Конкобар, видя радость народа, - идите в Альбу и не возвращайтесь, пока не приведете с собой трех сыновей Усны".

Тогда один из них сказал: "С радостью мы пойдем, но кто приведет к тебе Натоса, если на то не будет его воли?"

"Тот, кто любит меня больше всех, - ответил король, - тот не откажется взять с собой изгнанных героев".

И после пира король отозвал в сторону принца-воина и сказал: "Если бы я послал тебя в Альбу к сыновьям Усны и по моему приказу ты увидел бы их убитыми на твоих глазах, что бы ты тогда сделал?"

"Тогда, о царь, я убил бы тех, кто совершил чудовищное деяние, даже если бы это произошло по твоему приказу".

И снова царь призвал к себе принца-воина. С ним он говорил так же, как и с первым. И этот принц ответил: "Если по твоему приказу я увижу перед собой сыновей Усны мертвыми, то горе тебе, ибо собственной рукой я лишу тебя жизни".

Тогда король обратился к Фергусу, и Фергус ответил: "Пусть что угодно случится с сыновьями Усны, но никогда не поднимется моя рука на короля".

Тебе, добрый Фергус, я поручаю это дело. Ступай в Альбу и возьми с собой Натоса, и Эйлну, и Ардана. А когда ты снова придешь в Эрин, держи залог, что будешь пировать в доме Борраха, а трех сыновей Усны отправь прямо сюда".

И вот на следующий день Фергус отплыл на черной барже в Альбу, взяв с собой только двух своих сыновей и кормчего.

Цветок раннего лета осветил землю, а Натос и его братья еще не покинули отчий дом и не отправились в замок на севере. Но дни стояли жаркие, и они разбили на берегу моря три палатки: одну для Натоса и Дейрдре, одну для Эйлне и Ардана, а также одну, в которой можно было есть и пить. Ярким полднем Натос и Дейрдре сидели перед палатками и играли в шахматы.

Шахматная доска была из слоновой кости, а шахматные фигуры - из кованого золота, и принадлежали они Конкобару, ибо за день до того, как сыновья Усны бежали из Альбы, король охотился у их замка и там оставил доску и фигуры.

Пока Натос и Дейрдре играли, вдруг с берега послышался крик.

Это голос человека из Эрина, - сказал Натос, когда они прервали свою игру.

Снова раздался громкий крик, и сыновья Усны были названы по именам.

Да, это действительно крик человека из Эрина".

Но Дейрдре сказала: "Нет, ты грезишь, Натос. Давай играть дальше".

Затем ближе и отчетливее раздался третий крик, и никто не мог не знать, что это действительно голос человека из Эрина.

"Иди, Ардан, - сказал Натос, - иди в гавань и приветствуй там Фергуса с Зеленого острова, ибо это действительно он, и никто другой".

Но когда Ардан ушел, Натос увидел, что губы Дейрдре побледнели, а в глазах застыл великий страх.

"Что за ужас овладел тобой?" - спросил он.

Не открылось ли мне во сне, о Натос, что этот Фергус, который должен прийти с медово-сладкими словами, задумал пролить нашу кровь?

И пока она говорила, Ардан подвел Фергуса к шахматной доске, где они сидели по обе стороны от нее.

Изгнанные сыновья Усны с нетерпением ждали вестей о своих друзьях на Зеленом острове.

Я пришел к вам, - сказал Фергус, - с приветствиями от короля Конкобара. Он желает вновь увидеть в Эрине самых прекрасных и храбрых героев своего королевства. Он желает заключить с вами мир, и великим будет ваш прием, если вы вернетесь со мной".

Но прежде чем братья успели ответить, Дейрдре произнесла. Здесь, в Альбе, Натос ныне владыка земель более обширных, чем королевство Конкобар. Почему же он должен просить прощения у короля?

"Однако, - ответил Фергус, - Эрин - земля его усыновления. С юных лет Натос был героем Зеленого острова, и было бы хорошо, чтобы он и сейчас радовался этой земле и, если понадобится, защищал ее".

У нас две земли, - сказал Ардан, - и обе нам дороги. Но если Натос отправится с тобой в Эрин, то и мы с Эйльной тоже".

Я поеду, - сказал Натос, но, произнося эти слова, не смотрел на свою звездоглазую жену.

В ту ночь радовались все, кроме Дейрдре. На сердце у нее было тяжело: она думала, что больше никогда, ни в тени, ни при свете солнца, не сможет отдохнуть в стране Альбы и лохов.

На следующий день они отплыли, и галера быстро доставила их к берегам Зеленого острова. И когда Дейрдре вновь встала на землю родного острова, сердце ее обрадовалось, и на короткое время она не вспоминала ни о своих страхах, ни о своих мечтах.

Через три дня они прибыли в замок Борраха, и там Фергус сдержал свой зарок пировать с Боррахом. "Ибо, - сказал он, обращаясь к тем, кто был с ним, - я должен сдержать свой пиршественный залог, но посылаю с вами двух моих сыновей".

"Не сомневайся, Фергус, ты должен сохранить свою пиршественную связь, - ответил Натос, - а что касается твоих сыновей, то я не нуждаюсь в их защите, но в компании друг с другом мы отправимся на юг вместе".

Но пока они шли, Дейрдре просила их задержаться, и когда они прошли еще немного, Натос обнаружил, что жена исчезла с его пути. Вернувшись, он нашел ее в глубоком сне на обочине дороги.

Осторожно разбудив ее, Натос прочел ужас в ее звездных глазах.

"Что с тобой, моя царица?

Снова мне снился сон, о Натос, и во сне я видела нашу маленькую компанию, но, как я посмотрела, только у младшего сына Фергуса осталась голова на теле. Отвернись, и не пойдем в Конкобар, иначе то, что я видел во сне, сбудется".

Но Натос не боялся, ибо не Фергус ли пришел к ним с узами мира от короля?

И на следующий день они пришли в большой дворец.

Когда Конкобару доложили, что трое сыновей Усны и Дейрдре Звездоглазой, а также двое сыновей Фергуса находятся без них, он приказал отвести их в дом Красной ветви. И приказал он также, чтобы им давали приятную пищу и чтобы все, кто живет в замке, оказывали им честь.

Когда же наступил вечер, и все веселились, Дейрдре устала от путешествия, она легла на диван, задрапированный оленьими шкурами, и стала играть с Натосом на шахматной доске из золота и слоновой кости.

И когда Дейрдре отдыхала, открылась дверь, и вошел гонец от короля. А посланник этот был не кто иной, как Лаваркам, которого послали узнать, по-прежнему ли Дейрдре так же прекрасна, как в былые времена. И когда Лаваркам увидел Дейрдре, глаза ее наполнились слезами. Нехорошо, о Натос, играть на шахматной доске, которая Конкобару дороже всего на свете, кроме Дейрдре, жены твоей. Обеих ты отнял у него, и здесь, в этих стенах, ты теперь в его власти".

Внезапно Дейдра заговорила, ее взгляд был прикован к какой-то странной вещи. 'I see as in a dream. Как во сне я вижу три факела. Три факела погасли этой ночью. Имена на факелах - Натос, Эйлна, Ардан. Увы, только за женскую красоту погибли эти храбрецы".

Сыновья Усны долго молчали, а сыновья Фергуса не говорили. Тогда сказал Натос: "Лучше бы, Дейрдре, быть факелом, погасшим ради тебя, чем жить ради кого-либо, кроме тебя. То, что должно прийти, придет".

Теперь я должен отправиться в путь, - сказал Лаваркам, - ибо Конкобар ожидает моего прихода. Но, сыновья Усны, проследите за тем, чтобы двери и окна в эту ночь были заперты".

Тогда Лаваркам поспешил к королю и рассказал ему, что сыновья Усны приехали в Эрин, чтобы жить мирно, но красота Дейрдре померкла, и она перестала быть прекраснейшей из женщин.

Тогда Конкобар разгневался и послал еще одного гонца.

Этому человеку он сказал: "Кто убил отца твоего и брата твоего?

Натос, сын Усны, о царь!

Тогда отправляйся в Дом Красной Ветви и сообщи мне, осталась ли Дейрдре прекраснейшей из женщин.

И человек отправился. Но когда он обнаружил, что на дверях и окнах висят засовы и засовы, он понял, что сыновья Усны предупреждены о гнев короля. Но, заметив одно открытое окно, он приблизил свой глаз к нижнему углу, чтобы заглянуть внутрь. И Дейрдре, увидев глаз человека, сказала об этом Натосу, и тот, взяв в руки слона из слоновой кости, прицелился, словно копьем, и шахматная фигура пронзила глаз шпиона, и тот ослеп.

И вернулся тот человек к королю Конкобару и сказал: "Я уверен, что Дейрдре, жена Натоса, из всех прекрасных женщин самая прекрасная".

Тогда Конкобар не смог сдержать своего гнева и закричал: "Встаньте, ультонцы; крепость, окружающую Дом Красной Ветви, подожгите!"

И ультонцы подожгли ее.

Тогда из горящей крепости вышел младший из сыновей Фергуса, бросился на ультонцев и убил триста человек. И когда король Конкобар увидел это нападение, он громко воскликнул: "Кто это сделал?"

И когда ему сказали, что это сын Фергуса, он сказал: "Такому герою я отдам выбор земель, и он будет мне как сын, если только оставит сыновей Усны".

И ответил сын Фергуса: "Клянусь, что останусь с тобой и не вернусь в Дом Красной Ветви".

И когда он не вернулся, Дейрдре сказала: "Как Фергус обманул нас, так и его сын".

И пошел старший сын Фергуса, и пал он на ультонцев, и погибло от его руки триста человек. И когда Конкобар увидел, кто это сделал, он позвал своего сына, который родился в ту же ночь, что и этот сын Фергуса. Возьми это, мое волшебное оружие, - сказал он, - и обрушь его на врага!

Тогда сын Конкобара ударил своим заколдованным оружием, и все волны Эрина загрохотали от его удара. И великий воин, услышав гром, поскакал через равнину, и в руке у него был волшебный меч с голубым лезвием. Настигнув сражающихся, он бросился на сына Фергуса сзади и вонзил голубой клинок ему в сердце. "Я хотел бы, чтобы мой враг сражался со мной честно", - сказал умирающий.

Кто ты?" - спросил незнакомец.

И сын Фергуса назвал свое имя и рассказал о том, что произошло в доме Красной ветви.

Тогда незнакомец ответил: "Я не уйду отсюда, нет, пока сын Конкобара не будет повержен в прах"; и тогда он бросился на сына короля и одним ударом голубого клинка отсек ему голову от тела. И он ушел, и вскоре сын Фергуса тоже лежал мертвый.

И вот Ульстермены окружили Дом Красной Ветви и подожгли его стены. Но Ардан вышел вперед, потушил огонь и убил триста человек, а после того как он вошел внутрь, вышла Эйлна и убила несметное множество людей.

И вот вспыхнул луч тускло-серого света, охвативший фигуры мертвых и умирающих людей.

В этот час Натос поцеловал Дейрдре и вышел из дома. И не было ни одного человека, который бы не вздрогнул, когда герой бросился на ультонцев и зарубил тысячу человек.

Когда Конкобар услышал об этом, он послал за тем Мудрецом, который в доме Фелима Арфиста предсказал горе, которое обрушится на его королевство.

И когда старик пришел, Конкобар сказал: "Клянусь, я не желаю зла сыновьям Усны, но они перебьют всех ультонцев в стране. Поэтому я хочу, чтобы ты помог мне своей волшебной силой".

И поверил Мудрец словам Конкобара, и окружил горящий Дом изгородью из копий. И когда пламя поднялось выше, сыновья Усны вышли вперед вместе с Дейрдре Звездоглазой. Вокруг нее они поставили свои щиты, пробили путь сквозь ограду из копий и благополучно вышли на равнину.

Ограда копий

[Посмотреть большее изображение](#)

Но когда Мудрец увидел, что его волшебство бесполезно, он наложил на землю еще одно заклятие: равнину, на которой стояла Дейрдре с сыновьями Усны, он заставил покрыться бурной водой.

И волшебное море поднималось все выше и выше, так что Натос поднял Дейрдре на плечо, и она покоилась там, обхватив шею героя своими белыми руками.

Но вот воды успокоились, и стало ясно, что утонуть им не грозит.

И вот, когда воды ушли с равнины, пришли воины, чтобы связать Натоса, Эйлну и Ардана и отвести их к королю. И Конкобар повелел умертвить их на его глазах.

Если такова наша участь, то убейте сначала меня, - сказал Ардан, - ибо я младший из сыновей Усны".

Нет, - сказала Эйлна, - пусть первый удар падет на меня".

Тогда Натос сказал: "Негоже, чтобы мы трое, сыновья одной матери, были разделены в смерти. Вместе мы сеяли семена весной, бок о бок срывали плоды лета; осень еще далеко, но мы должны быть срезаны, как спелая кукуруза. Но давайте падем каждый за себя, чтобы не осталось ни одного, кто бы оплакивал другого. Этим мечом, подаренным мне героем земли, пусть одним ударом отсекутся наши головы от тел".

С этими словами они положили головы на колодку. Взмах стали, и Альба лишилась самого прекрасного и благородного из своих сыновей. И воздух огласился плачем.

Тогда по равнине проскакал великий чемпион, и ему Дейрдре поведала о судьбе сыновей Усны. И под его присмотром звездоглазая дева пришла туда, где лежали мертвые герои.

И встала Дейрдре на колени, и склонилась над головой Натоса, и поцеловала его мертвые губы.

Затем, по приказу чемпиона, были вырыты три могилы, и в них, стоя прямо, были похоронены Натос, Эйлна и Ардан, и на плечи каждого была положена его голова.

И когда Дейрдре смотрела в могилу Натоса, она застонала, рассказывая о храбрых подвигах сыновей Усны. Рассказывала она и о своей любви к Натосу, и когда она закончила скорбный напев, струны ее сердца оборвались, и она упала к ногам своего мужа, и там умерла, и рядом с ним была похоронена.

В тот же час умер Мудрец, и, умирая, он громко воскликнул: "То, что должно прийти, придет".

Так и случилось, и на следующий день воинство Конкобара рассыпалось, как осенние листья, и Дом Красной Ветви погиб, и еще долго Конкобар умирал в безумии отчаяния, а на всем Зеленом Острове царили скорбь и запустение.

Но в веках пелась сказка о дивной красоте Дейрдре, и еще не раз будет рассказана, ибо когда же мир устанет от самой печальной из "Трех печалей сказителей" - судьбы сыновей Усны и Дейрдре Звездоглазой?

ЧЕТЫРЕ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЯ

В давние времена на Зеленом острове Эрин жил род храбрых мужчин и прекрасных женщин - род Деданнанов. На севере, юге, востоке и западе жили эти благородные люди, поклоняясь многим вождям.

Но однажды голубым утром после великой битвы собрались деданны на широкой равнине, чтобы выбрать короля. "Пусть у нас будет один король над всеми, - сказали они. Пусть у нас больше не будет многих правителей".

Из числа князей поднялись пятеро, достойных носить скипетр и корону, но самыми царственными были Бове Дерг и Лир. И отправились пятеро вождей в путь, чтобы народ Деданнана мог свободно сказать, кому бы они с радостью отдали дань короля.

Далеко они не ушли, ибо вскоре раздался великий клич: "Бове Дерг - король! Бове Дерг - король! И все были рады, кроме Лира.

Но Лир разгневался и ушел с равнины, где был народ Деданнана, не оставив никого и не оказав почтения Бове Дергу. Ибо ревность наполнила сердце Лира.

Тогда разгневались деданнанцы, и сто мечей обнажились и сверкнули в солнечных лучах на равнине. Мы идем, чтобы убить Лира, который не поклоняется нашему королю и не уважает выбор народа".

Но мудр и великодушен был Бове Дерг, и он велел воинам не причинять вреда оскорбленному принцу.

Долгие годы Лир жил в недовольстве, никому не повинуюсь. Но однажды его постигло большое горе: умерла его жена, которая была ему дорога, и проболела она всего три дня. Громко оплакивал он ее смерть, и сердце его было тяжело от горя.

Когда весть о горе Лиры дошла до Бове Дерга, его окружили самые могущественные вожди. "Отправляйтесь, - сказал он, - на пятидесяти колесницах отправляйтесь в путь. Скажите Лиру, что я его друг, как и прежде, и попросите, чтобы он поехал с вами. Три прекрасных приемных ребенка - мои, и еще одного он может взять в жены, если только склонится к воле народа, который избрал меня своим королем".

Когда эти слова были сказаны Лиру, сердце его обрадовалось. Он быстро созвал вокруг себя свой отряд и на пятидесяти колесницах отправился в путь. И не сбавляли они скорости, пока не достигли дворца Бове Дерга у Великого озера. И там, на закате дня, когда лучи заходящего солнца падали на серебряные воды, Лир воздал почести Бове Дергу. И Бове Дерг поцеловал Лиру и поклялся быть его другом навеки.

И когда по всему Деданнану стало известно, что между этими могучими вождями воцарился мир, храбрые мужчины, прекрасные женщины и малые дети ликовали, и нигде не было более счастливых сердец, чем на Зеленом острове Эрин.

Шло время, а Лир все еще жил с Бове Дергом в его дворце у Великого озера. Однажды утром король сказал: "Ты хорошо знаешь трех моих прекрасных приемных дочерей, и я не забыл о своем обещании взять одну из них в жены. Выбирай ее по своему усмотрению".

Тогда Лир ответил: "Все они прекрасны, и выбор труден. Но отдай мне старшую, если она согласна выйти замуж".

И обрадовалась Ева, старшая из прекрасных дев, и в тот же день вышла замуж за Лиру, а через две недели покинула дворец у Великого озера и поехала с мужем в свой новый дом.

Счастливо жили домочадцы Лиры и весело тянулись месяцы. Затем у Лиры родились близнецы. Девочку называли Финой, а ее брата - Аэдом.

Прошел еще год, и снова родились близнецы, но не успели младенцы узнать свою мать, как она умерла. Лир так сильно горевал по своей красавице-жене, что умер бы от горя, если бы не великая любовь, которую он питал к своим оставшимся без матери детям.

Когда весть о смерти Евы достигла дворца Бове Дерга у Великого озера, все громко оплакивали Еву и жалели Лиру и его четверых младенцев. И сказал Бове Дерг своим могучим вождям: "Велико наше горе, но в этот мрачный час Лир узнает нашу дружбу. Скажите туда и скажите ему, что Ева, моя вторая прекрасная приемная дочь, со временем станет его законной женой и будет лелеять его одиноких младенцев".

И поскакали гонцы, чтобы передать эти вести Лиру, и со временем Лир снова пришел во дворец Бове-Дерг у Великого озера, женился на прекрасной Еве и увез ее с собой к своей маленькой дочери Фине и трем ее братьям - Аэду, Фиакру и Конну.

Это были четверо милых и нежных детей, и Ева с нежностью заботилась о малышах, которые были радостью их отца и гордостью Деданнанов.

Что касается Лиры, то он так любил их, что на рассвете вставал и, отодвинув оленью шкуру, отделявшую его спальную комнату от их, ласкал и резвился с детьми до самого утра.

И Бове Дерг любил их почти так же, как и сам Лир. Часто он приходил к ним, и часто их приводили в его дворец у Великого озера.

И по всему Зеленому острову, где жил народ Деданнан, также распространилась слава о красоте детей Лира.

Время шло, и Фиола стала девой двенадцати лет. Тогда в сердце Евы зародилась злая ревность, и так она разрослась, что задушила любовь, которую она питала к детям своей сестры. С горечью она воскликнула: "Лир не заботится обо мне; Фиоле и ее братьям он отдал всю свою любовь".

И несколько недель и месяцев Ева лежала в постели, придумывая, как бы ей причинить зло детям Лира.

Наконец, в одно прекрасное летнее утро она приказала выехать на своей колеснице, чтобы вместе с четырьмя детьми прибыть во дворец Бове-Дерга.

Когда Фиола услышала об этом, ее прекрасное лицо побледнело, ибо во сне ей было открыто, что Ева, ее мачеха, должна в тот день совершить темный поступок среди своих родных. Поэтому Фиола сильно испугалась, но только ее большие глаза и бледные щеки выдавали ее горе, когда она и ее братья ехали вместе с Евой и ее поездом.

Они ехали, весело смеясь, не обращая внимания ни на черную тень, лежащую на челе мачехи, ни на бледные, дрожащие губы сестры. Когда они достигли мрачного перевала, Ева прошептала своим спутникам: "Убейте, молю вас, этих детей Лира, ибо их отец не заботится обо мне из-за своей великой любви к ним. Убейте их, и будет вам великое богатство".

Но слуги в ужасе ответили: "Мы не будем их убивать". Страшен, о Ева, был этот поступок, и велико зло, которое постигнет тебя за то, что ты вздумала совершить это".

Тогда Ева, охваченная яростью, выхватила меч, чтобы зарубить их своей рукой, но, слишком слабая для этого чудовищного поступка, она опустила обратно в колесницу.

Они поехали дальше, выехав из мрачного перевала на яркий солнечный свет белой дороги. Маргаритки с широко раскрытыми глазами смотрели в голубое небо над головой. Золотом сверкали лютики среди трилистника. Из канав выглядывали незабудки. Жимолость благоухала в живых изгородях. Вокруг, над головой и вдалеке пели ландыши, жаворонки и дрозды. Все было в красках и солнечном свете, в ароматах и песнях, пока дети Лира ехали вперед к своей гибели.

Только когда они достигли тихого озера, лошадей отвязали, чтобы дать им отдохнуть. Там Ева велела детям раздеться и пойти искупаться в воде. И когда дети Лира достигли кромки воды, Ева стояла позади них, держа в руке волшебную палочку. И палочкой она коснулась плеча каждого из них. И вот! Когда она коснулась Фиолы, дева превратилась в белоснежного лебедя, и вот! Когда она коснулась Аэда, Фиакра и Конна, три брата стали такими же, как дева. Четыре белоснежных лебедя плыли по голубому озеру, и злая Ева пела им песню о гибели.

Когда она прикоснулась к Аэду, Фиакре и Конну, три брата стали как служанки.

[Посмотреть большее изображение](#)

Когда она закончила, лебеди повернулись к ней, и Фиола произнесла:

"Зло совершила твоя волшебная палочка, о Ева, над нами, детьми Лира, но еще большее зло постигнет тебя из-за жестокости и ревности твоего сердца". И белая лебединая грудь Фиолы вздымалась, когда она пела об их безжалостной гибели.

Песня закончилась, и снова заговорила дева-лебедь. Скажи нам, о Ева, когда смерть освободит нас".

И Ева ответила: "Триста лет будет ваш дом на гладких водах этого одинокого озера. Триста лет вы проплывете по бурным водам моря между Эрином и Альбой, и триста лет вы будете метаться по дикому Западному морю. Пока Декка не станет королевой Ларгнена, и добрый святой не придет в Эрин, и вы не услышите звон колокола Христа, ни ваши мольбы, ни молитвы, ни любовь вашего отца Лира, ни могущество вашего короля Бове Дерга не смогут избавить вас от гибели. Но, хотя вы и одинокие белые лебеди, вы навсегда сохраните свой родной гэльский язык и будете петь жалобными голосами такие песни, что ваша музыка принесет покой в души тех, кто ее услышит. И по-прежнему под вашим снежным оперением будут биться сердца Фиолы, Аэда, Фиакры и Конна, и по-прежнему навеки вы будете детьми Лира".

Затем Ева приказала привязать лошадей к колеснице и поехала на запад.

А на одиноком озере плавали четыре белых лебедя.

Когда Ева в одиночестве добралась до дворца Бове Дерга, он сильно встревожился, опасаясь, что с детьми Лира случилось несчастье.

Но слуги, опасаясь Евы, не осмелились рассказать королю о волшебных чарах, которые она наложила по дороге. Поэтому Бове Дерг спросил: "Почему, о Ева, Фиола и ее братья не пришли во дворец в этот день?"

И Ева ответила: "Потому что, о король, Лир больше не доверяет тебе, и поэтому он не позволит детям прийти сюда".

Но Бове Дерг не поверил своей приемной дочери и той же ночью тайно послал гонцов через холмы к жилищу Лира.

Когда гонцы прибыли туда и рассказали о своем поручении, велика была печаль отца. А утром с тяжелым сердцем он созвал компанию Деданнанов, и все вместе они отправились во дворец Бове Дерга. И только на закате, когда они достигли одинокого берега озера Дарвра, они сбавили скорость.

Лир сошел с колесницы и стоял как замороженный. Что это был за пронзительный звук? Гэльские слова, голос его любимой дочери, еще более чарующий, чем в былые времена, а вокруг - только одинокое голубое озеро. Призрачная музыка звучала все отчетливее, и когда последние слова затихли, четыре белоснежных лебедя выскочили из-за зарослей осоки и, дико хлопая крыльями, полетели к восточному берегу. Там, пораженный удивлением, стоял Лир.

Знай, о Лир, - сказала Финола, - что мы - дети твои, превращенные злой магией нашей мачехи в четырех белых лебедей". Когда Лир и народ Деданнана услышали эти слова, они громко заплакали.

И все же дева-лебедь сказала. Триста лет мы должны плыть по этому одинокому озеру, триста лет нас будет штормить на водах между Эрином и Альбой, и триста лет - на диком Западном море. Не раньше, чем Декка станет королевой Ларгнена, не раньше, чем добрый святой придет в Эрин и в стране раздастся звон колокола Христа, не раньше, чем тогда мы спасемся от гибели".

И тут раздался горестный плач Деданнанов, и снова Лир зарыдал. Но в конце концов его горе умолкло, и Финола рассказала, как она и ее братья навсегда сохраняют свою сладкую гэльскую речь, как они будут петь песни, столь волнующие, что их музыка принесет покой в души всех, кто их услышит. Рассказала она и о том, что под снежным оперением Финолы, Аэда, Фиакры и Конна по-прежнему бьются человеческие сердца - сердца детей Лира. Оставайтесь с нами на ночь у одинокого озера, - закончила она, - и наша музыка донесется до вас через его лунные воды и погрузит вас в мирную дрему. Оставайтесь, оставайтесь с нами".

И Лир со своими людьми остался на берегу в ту ночь и до самого утра. А потом, вместе с тусклым рассветом, над озером воцарилась тишина.

Быстро поднялся Лир и поспешил проститься со своими детьми, чтобы найти Еву и увидеть, как она трепещет перед ним.

Быстро и прямо ехал он, пока не приехал во дворец Бове-Дерга, и там, у вод Великого озера, встретил его Бове-Дерг. О, Лир, почему дети твои не пришли сюда? И Ева стояла рядом с королем.

Суров и печален был ответ Лира. "Увы! Ева, твоё приемное дитя, своим злым волшебством превратила их в четырех белоснежных лебедей. На голубых водах озера Дарвра обитают Финола, Аэд, Фиакра и Конн, и туда же иду я, чтобы отомстить за их гибель".

На троих опустилась тишина, подобная тишине смерти, и все было спокойно, только Ева сильно дрожала. Но вскоре Бове Дерг заговорил. Свирепый и гневный вид был у него, когда высоко над своей приемной дочерью он держал свою волшебную палочку. Ужасным был его голос, когда он произносил слова, обрекающие ее на гибель. "Несчастная, отныне ты больше не будешь омрачать эту прекрасную землю, но, как демон воздуха, будешь жить в несчастье до скончания веков". И вдруг из ее плеч выросли черные крылья, и с пронзительным криком она взвилась ввысь, пока потрясенные Деданнаны не увидели, как черное пятно исчезло среди опускающихся облаков. И по сей день, как демон воздуха, черные крылья Евы кружат ее в пространстве.

Но велик и добр был Бове Дерг. Он отложил свою волшебную палочку и заговорил: "Давайте, мой народ, покинем Великое озеро и разобьем свои шатры на берегах озера Дарвра. Нам очень дороги дети Лира, и я, Бове Дерг, и Лир, их отец, поклялись отныне навеки поселиться у одиноких вод, где они живут".

И когда по всему Зеленому острову Эрина было рассказано о судьбе детей Лира и о клятве, которую дал Бове Дерг, с севера, юга, востока и запада стекались к озеру деданнцы, пока не поселилось у его берегов могучее воинство.

И днем Фиола и ее братья не знали одиночества, ибо на сладкой гэльской речи они рассказывали о своих радостях и страхах; а ночью могучие деданнцы не знали печальных воспоминаний, ибо призрачные песни убаюкивали их, и музыка приносила мир в их души.

Медленно шли годы, и на плечи Бове Дерга и Лира упали длинные белые волосы. Четырем лебедям стало страшно, ведь не за горами то время, когда они должны будут улететь на крыльях на север, к дикому морю Мойла.

И когда наконец наступил этот печальный день, Фиола рассказала своим братьям, что триста счастливых лет, проведенных ими на озере Дарвра, подошли к концу и что теперь они должны навсегда покинуть покой его одиноких вод.

И тогда, медленно и печально, четыре лебедя опустили на край озера. Никогда еще снежная белизна их оперения так не ослепляла зрителей, никогда еще музыка, столь сладостная и печальная, не долетала до освещенных солнцем берегов озера Дарвра. Когда лебеди достигли кромки воды, три брата замолчали, и только Фиола запела прощальную песню.

Склонив белые головы, деданнцы слушали песнопения Фиолы, а когда музыка стихла и тишину нарушали лишь рыдания, четверо лебедей расправили крылья и, взмыв ввысь, остановились на одно короткое мгновение, чтобы взглянуть на коленопреклоненных Лира и Бове Дерга. Затем, вытянув свои изящные шеи в сторону севера, они устремились в воды бурного моря, отделяющего голубую Альбу от Зеленого острова Эрин.

И когда по всему Зеленому острову стало известно, что четыре белых лебедя улетели, так велика была печаль людей, что они издали закон, по которому ни один лебедь не должен быть убит в Эрине с того дня.

С сердцами, горящими тоской по отцу и друзьям, Фиола и ее братья достигли моря Мойл. Холодны и ледяны были его ветреные воды, черны и страшны отвесные скалы, нависающие над далекими берегами Альбы. От голода лебеди тоже страдали. Темно было воистину, и еще темнее становилось, когда дети Лира вспоминали тихие воды озера Дарвра и ласковых деданнанских хозяев на его мирных берегах. Здесь вздох ветра среди тростника уже не успокаивал их печаль, а шум прибоя вселял в их души новый ужас.

В страданиях и ужасе проходили их дни, пока однажды ночью черные, опускающиеся тучи над головой не возвестили о приближении сильной бури. Тогда Фиола позвала своих Аэда, Фиакра и Конна: "Возлюбленные братья, у меня на сердце великий страх, ибо в ярости надвигающегося шторма нас может отбросить друг от друга. Поэтому давайте скажем, где мы можем надеяться встретиться, когда буря утихнет".

И Аэд ответил: "Мудра ты, дорогая, нежная сестра. Если нас разлучат, пусть мы снова встретимся на скалистом острове, который не раз был нашим пристанищем, ибо он хорошо известен всем нам и виден издалека".

Темнее становилась ночь, сильнее бушевал ветер, когда четыре лебедя ныряли и снова поднимались на огромных волнах. И все сильнее бушевал ураган, пока в полночь к ревущему ветру не примешались громкие раскаты грома, а в отблесках голубой молнии дети Лира увидели снежный облик друг друга. Безумная ярость урагана все нарастала, и вот сила его подняла одного лебедя из его дикого дома на волнах и понесла его сквозь черноту ночи. Еще одна вспышка голубой молнии, и каждый лебедь увидел свое одиночество и издал вопль отчаяния. Отброшенные туда-сюда ветром и волнами, белые птицы были почти мертвы, когда наступил рассвет. А с рассветом наступило затишье.

Быстро, как только могли нести ее усталые крылья, Фиола поплыла к скалистому острову, где она надеялась найти своих братьев. Но, увы, ни одного из них не было видно. Тогда она взлетела на самую высокую вершину скал. На север, на юг, на восток и на запад смотрела она, но ничего не видела, кроме водной пустыни. Теперь сердце ее не выдержало, и она запела самую печальную песню, которую когда-либо пела.

Когда стихли последние ноты, Фиола подняла глаза - и вот! К ней медленно плывет Конн с промокшим оперением и поникшей головой. А когда она посмотрела на него, то увидела! Появился Фиакр, но силы его как будто иссякли. Тогда Фиола подплыла к теряющему сознание брату и протянула ему руку помощи, и вскоре близнецы оказались в безопасности на освещенной солнцем скале, прижавшись друг к другу и согреваясь под крыльями сестры.

Но сердце Фиолы все еще билось в тревоге, когда она укрывала своих младших братьев, потому что Аэд не приходил, и она боялась, как бы он не пропал навсегда. Но вот в полдень он появился над синими водами, подняв голову и осветив оперение солнцем. И Фиола притянула его под перья своей груди, ибо Конн и Фиакра все еще лежали под ее крыльями. Отдохните здесь, пока можете, дорогие братья, - сказала она.

И она запела им колыбельную, такую необыкновенно сладкую, что морские птицы затихли и слетались послушать печальную медленную музыку. И когда Аэд, Фиакра и Конн убаюкивали их, ноты Фиолы становились все слабее, голова ее поникла, и вскоре она тоже мирно спала под теплыми лучами солнца.

Но мало было солнечных дней на море Мойла, и много бурь будоражило его воды. Зимние морозы становились все сильнее, и страдания четырех белых лебедей были как никогда велики. Даже их самые печальные гэльские песни не передавали и половины их горя. От ярости бури они по-прежнему искали убежища на том скалистом островке, где Фиола отчаялась увидеть своих близких.

Медленно тянулись годы гибели, пока однажды в середине зимы мороз, более сильный, чем все известные ранее, не заморозил море, превратив его в сплошной черный лед. Ночью лебеди прижимались друг к другу на скалистом островке, чтобы согреться, но каждое утро они примерзали к земле и могли освободиться только с мучительной болью, потому что оставляли на ледяной скале мягкий пух своей груди, перья своих белых крыльев и кожу своих бедных лап.

А когда солнце растопило скованную льдом поверхность воды, и лебеди снова поплыли в море Мойла, соленая вода попала в их раны, и они едва не умерли от боли. Но со временем пух на их груди и перья на крыльях выросли, и они исцелились от ран.

Годы тянулись, и днем Фиола и ее братья летели к берегам Зеленого острова Эрин, или к скалистым голубым берегам Альбы, или уплывали далеко в тусклые серые воды. Но с наступлением ночи им суждено было вернуться в море Мойла.

Они уплывали далеко в тусклые серые воды.

[Посмотреть большее изображение](#)

Однажды, когда они смотрели в сторону Зеленого острова, то увидели, что к берегу приближается отряд всадников на белоснежных конях, и их доспехи сверкали на солнце.

Дети Лира возликовали от радости, ибо не видели они человеческого облика с тех пор, как расправили крылья над озером Дарвра и полетели к бурному морю Мойла.

"Говорите, - сказала Фиола своим братьям, - говорите, и скажите, не наши ли это люди из Деданнана". И Аэд, и Фиакра, и Конн напрягли свои глаза, и Аэд ответил: "Мне кажется, дорогая сестра, что это действительно наши люди".

Когда всадники приблизились и увидели четырех лебедей, каждый из них воскликнул на гэльском языке: "Вот дети Лира!"

И когда Фиола и ее братья вновь услышали сладкую гэльскую речь и увидели лица своего народа, их счастье было выше всяких слов. Долго они молчали, но наконец Фиола заговорила.

Она рассказала об их жизни на море Мойла, об унылых дождях и порывистых ветрах, о гигантских волнах и раскатах грома, о черном морозе и о своих бедных избитых и израненных телах. Об их душевном одиночестве она не могла говорить. Но расскажи нам, - продолжала она, - расскажи нам о нашем отце, Лире. Жив ли он еще, и Бове Дерг, и наши дорогие друзья Деданнаны?

Деданнанцы едва могли говорить от горя, которое они испытывали по Фиоле и ее братьям, но они рассказали, что Лир и Бове Дерг живы и здоровы и даже сейчас отмечают праздник Возрождения в доме Лира. Если бы они не тосковали по тебе, твой отец и друзья были бы счастливы".

Радость и утешение охватили сердца Фиолы и ее братьев. Но больше они ничего не могли услышать, ибо должны были поспешить улететь с приятных берегов Эрина к морскому потоку Мойла, который был их погибелью. И пока они летели, Фиола пела, и слабый голос ее плыл над коленопреклоненным воинством.

По мере того как печальная песня становилась все слабее и слабее, Деданнаны громко плакали. А когда белоснежные птицы скрылись из виду, скорбная компания повернула головы своих белых коней от берега и поскакала на юг, к дому Лира.

И когда там рассказали о страданиях Финолы и ее братьев, велика была печаль Деданнанов. Но Лир был рад, что его дети живы, и думал о том дне, когда волшебные чары будут сняты и столь дорогие ему люди избавятся от горького горя.

Вновь закончились триста лет гибели, и четыре белых лебедя были рады покинуть жестокое море Мойла. Однако они смогли долететь лишь до дикого Западного моря, и, как и прежде, им не удалось избежать ярости ветра и волн. Хуже того, что они пережили до этого, был мороз, доведший братьев до отчаяния. Почти примерзнув к скале, они однажды ночью громко крикнули Финоле, что жаждут смерти. И она тоже хотела бы умереть.

Но в ту же ночь лебединой деве приснился сон, и, проснувшись, она обратилась к братьям с мольбой о помощи. Верьте, дорогие братья, в великого Бога, который создал землю с ее плодами и море с его страшными чудесами. Уповайте на Него, и Он спасет вас". И ее братья ответили: "Мы будем верить".

И Финола тоже положила на Бога, и все они погрузились в глубокий сон.

Когда дети Лира проснулись, вот, светит солнце, и после этого, пока не кончились триста лет на Западном море, ни ветер, ни волна, ни дождь, ни мороз не причинили вреда четырем лебедям.

На травянистом острове они жили и пели свои чудесные песни днем, а ночью укладывались вместе на мягком диване, а утром просыпались в солнечном свете и покое. И там, на травянистом острове, был их дом, пока не кончились триста лет. Тогда Финола позвала своих братьев и с трепетом рассказала, а они с трепетом услышали, что теперь они могут лететь на восток и искать свой старый дом.

Легко поднялись они на распростертые крылья и быстро летели, пока не достигли земли. Там они приземлились и посмотрели друг на друга, но их радость была слишком велика, чтобы говорить. Тогда они снова расправили крылья и полетели над зеленой травой все дальше и дальше, пока не достигли холмов и деревьев, окружавших их старый дом. Но, увы, от жилища Лира остались лишь руины. Вокруг была пустыня, заросшая буйной травой, крапивой и сорняками.

Убитые горем, лебеди проспали эту ночь в разрушенных стенах своего старого дома, но когда наступил день, каждый из них не смог больше выносить одиночества и снова полетел на запад. И только прилетев в Инис Глора, они приземлились. На небольшом озере в самом сердце острова они устроили свой дом и своей чарующей музыкой привлекли к его берегам всех птиц запада, пока озеро не стало называться "Озером птичьих стай".

Медленно шли годы, но великая тоска наполняла сердца детей Лира. Когда же придет в Эрин добрый святой? Когда звон колокола Христа пронесется над землей и морем?

Однажды на розовом рассвете лебеди проснулись среди камышей на Озере Птичьих Стай, и странный и слабый звук долетел до них издалека. Трепеща, они прижались друг к другу, пока братья не расправили крылья и не затрепетали от страха. И все так же трепетно они полетели к своей сестре, которая молча сидела среди осоки. Сев рядом с ней, они спросили: "Что, дорогая сестра, может означать этот странный, слабый звук, который проносится по нашему острову?"

С тихой, глубокой радостью Фиола ответила: "Дорогие братья, это звон колокола Христа, о котором мы мечтали трижды по триста лет. Скоро чары будут сняты, скоро наши страдания закончатся". Тогда Фиола выскочила из укрытия осоки на освещенное розами озеро и там, на берегу Западного моря, запела песню надежды.

Когда Фиола запела, в сердцах братьев воцарилось спокойствие, а когда она закончила, над островом вновь зазвучал колокольный звон. Больше он не вселял ужас в сердца детей Лира, скорее, как нота мира, он проникал в их души.

И когда утих последний звон, Фиола сказала: "Давайте споем великому Царю Неба и Земли".

Далеко разносились сладкие звуки белых лебедей по Инис Глоре, пока не достигли доброго святого Кемок, по чьей молитве в ранний час зазвонил колокол Христа.

И он, преисполненный удивления от предельной сладости музыки, стоял немой, но когда ему открылось, что голоса, которые он слышал, были голосами Фиолы и Аэда, Фиакра и Конна, которые благодарили Высокого Бога за звон колокола Христа, он встал на колени и тоже воздал благодарность, ибо именно за детьми Лира Святой пришел в Инис Глору.

В сиянии полудня Кемок достиг берега маленького озера и увидел четырех белых лебедей, скользящих по его водам. И не было нужды Святому спрашивать, действительно ли это дети Лира. Скорее он возблагодарил Высокого Бога, который привел его сюда.

Это был святой Кемок

[Посмотреть большее изображение](#)

Тогда добрый Кемок серьезно сказал лебедям: "Выходите на сушу и положитесь на меня, ибо именно здесь вы освободитесь от своих чар".

Эти слова четыре белых лебедя услышали с великой радостью и, выйдя на берег, отдали себя под опеку святого. Он привел их в свою келью, и там они поселились вместе с ним. А Кемок послал в Эрин за искусным мастером и приказал сделать две тонкие цепи из блестящего серебра. Одну серебряную цепь он застегнул между Фиолой и Аэдом, а другой связал Фиакра и Конна.

Тогда дети Лира поселились у святого Кемок, и он поведал им чудесную историю о Христе, которую он и святой Патрик принесли на Зеленый остров. И эта история так обрадовала их сердца, что страдания, выпавшие на их долю, были почти забыты, и они жили в великом счастье со святым. Они были дороги ему, как родные дети.

Триста лет прошло с тех пор, как Ева воспела судьбу детей Лира. Пока Декка не станет королевой Ларгнена, пока добрый святой не придет в Эрин и вы не услышите звон колокола Христа, вы не избавитесь от своей участи".

Добрый святой действительно пришел, и раздался сладостный звон колокола Христа, и прекрасная Декка стала королевой короля Ларгнена.

Вскоре Декке принесли весть о лебединой деве и трех ее братьях-лебедях. Странные истории слышала она об их призрачных песнях. Рассказывали ей и об их жестоких страданиях. Тогда взмолилась она к своему мужу, королю, чтобы он отправился в Кемок и привез ей этих человеческих птиц.

Но Ларгнен не хотел просить Кемока расстаться с лебедями и поэтому не пошел.

Тогда Декка разгневалась и поклялась, что не будет больше жить с Ларгненом, пока он не принесет во дворец певчих лебедей. И в ту же ночь она отправилась в королевство своего отца на юге.

Однако Ларгнен любил Декку, и велико было его горе, когда он узнал о ее бегстве. И он велел гонцам отправиться за ней, сказав, что пошлет за белыми лебедями, если она вернется. Поэтому Декка вернулась во дворец, а Ларгнен послал к Кемоку, чтобы выпросить у него четырех белых лебедей. Но гонец вернулся без птиц.

Тогда Ларгнен разгневался и сам отправился в келью Кемока. Но он нашел святого в маленькой церкви, а перед алтарем лежали четыре белых лебедя. "Правду ли мне говорят, что ты отказал королеве Декке в этих птицах?" - спросил король.

"Это правда", - ответил Кемок.

Тогда Ларгнен разгневался еще больше, чем прежде, и, схватив в одну руку серебряную цепь Фиолы и Аэда, а в другую - цепь Фиакры и Конна, потащил птиц от алтаря к алтарю, и казалось, что он покинет церковь. Святой в великом страхе последовал за ним.

Но вот, когда они достигли дверей, белоснежные перья четырех лебедей упали на землю, и дети Лира были избавлены от своей участи. Ибо не была ли Декка невестой Ларгнена, и не приходил ли добрый святой, и не раздавался ли по всей земле звон колокола Христа?

Но дряхлы и немощны были дети Лира. Морщинами покрылись их некогда прекрасные лица, согнулись их маленькие белые тела.

При виде этого Ларгнен, испугавшись, выбежал из церкви, а добрый Кемок громко воскликнул: "Горе тебе, о король!

Тогда дети Лира повернулись к святому, и Фиола заговорила: "Крести нас, молим тебя, ибо смерть близка. Тяжела печаль в наших сердцах, что мы должны расстаться с тобой, святой, и что в одиночестве должны пройти твои дни на земле. Но такова воля Всевышнего. Здесь пусть выкопают нам могилы и здесь похоронят четыре наших тела: Конн - по правую сторону от меня, Фиакра - по левую, а Аэд - перед моим лицом, ибо так я укрывал моих дорогих братьев триста лет под крылом и грудью".

Затем добрый Кемок окрестил детей Лира, после чего святой поднял глаза, и вот! Он увидел видение четырех прекрасных детей с серебристыми крыльями и лицами, сияющими, как солнце; и пока он смотрел, ониплыли все выше и выше, пока не скрылись в голубой дымке. Тогда добрый Кемок обрадовался, ибо знал, что они попали на небеса.

Но когда он посмотрел вниз, у дверей церкви лежали четыре изможденных тела, и Кемок горько заплакал.

И приказал святой вырыть широкую могилу неподалеку от маленькой церкви, и там были похоронены дети Лира: Конн стоял по правую руку от Финолы, Фиакра - по левую, а перед ее лицом - ее брат-близнец Аэд.

И зеленела над ними трава, и на белом надгробии были выбиты их имена, а над могилой утром и вечером разносился звон колокола Христа.

ДЕРМАТ И ГРАНИЯ

В Таре король Кормак собирался провести большое собрание, и туда съехались вожди и вельможи страны.

Но не успели начаться дела дня, как стало известно, что пришли два воина и хотят поговорить с королем.

Тогда Кормак приветствовал посланцев, а когда узнал, что они пришли с широких склонов Аллена и несут послание от Финна, их короля, сказал, что в этот день собрание не состоится, но он будет говорить с воинами наедине.

И после того как они поели и выпили, Кормак велел им рассказать о своем поручении.

Тогда выступил Ойсин, сын Финна, и рассказал, что его мать давно умерла и что его отец хотел бы жениться на Грании, прекрасной дочери Кормака.

Но Кормак ответил: "Мало найдется во всем Эрине принцев, которые не добивались бы руки моей дочери, но она отказывала им всем. За это я питаю к ним недоброжелательство, ибо принцесса заставляла меня рассказывать, как ни один из них не добился ее расположения. Поэтому я приведу вас к моей дочери, чтобы из ее уст вы услышали ответ, который передадите своему королю".

И Кормак отправился с Ойсином, сыном Финна, и с Дерингом, его другом, в солнечную комнату принцессы. И Кормак сел рядом с Гранией на диван и рассказал ей, зачем пришли чемпионы.

Грания

[Посмотреть большее изображение](#)

И Грания, не обращая внимания на это, ответила: "Если Финн будет достойным зятем для моего отца, короля, то пусть он будет достойным мужем и для меня".

Когда Ойсин, сын Финна, и Деринг, его друг, услышали эти слова, они обрадовались, ибо не знали, как мало думала принцесса о своих словах.

И Кормак устроил пир для воинов, а перед отъездом сказал им, что через две недели Финн должен приехать к ним.

Так воины простились с дворцом Кормака и вернулись в Аллен, и там они сказали Финну, что через две недели он должен отправиться в Тару и жениться на прекрасной Грании.

Медленно тянулись дни, но когда они прошли, Финн со многими вождями и вельможами в качестве своей охраны отправился в Тару. И там Кормак принял его с большим радушием и приготовил великий пир. По правую руку от него сидел Финн, а по левую - королева. А рядом с королевой сидела Грания.

Случилось так, что вождь, сидевший по другую сторону от Грании, был сказочником, и принцесса с удовольствием слушала сказки, которые он рассказывал.

Но когда он перестал рассказывать, Грания спросила: "Почему Финн пришел сюда пировать?"

И вождь, удивившись, что принцесса задает ему такие вопросы, ответил: "По правде говоря, Финн пришел сюда сегодня, чтобы взять тебя в жены".

Тогда Грания вспомнила о словах, которые она сказала Ойсину, сыну Финна, и Дерингу, его другу, и о том, как она говорила без умысла. И вот теперь Финн пришел сюда, чтобы взять ее в жены.

Долго молчала принцесса, пока ее глаза блуждали по красивой компании.

Наконец она снова обратилась к вождю, сидевшему рядом с ней. Из этой славной компании, - сказала она, - я не знаю никого, кроме Ойсина, сына Финна, и Деринга, его друга. Скажи мне, молю тебя, кто сидит вон там, рядом с Ойсином?

И вождь назвал его имя и пропел ему хвалу.

И снова спросила Грания: "А кто, молю тебя, сидит рядом с ним?"

И вождь назвал его имя и пропел ему хвалу.

После этого Грания спросила у вождя имена многих вельмож, и он рассказал ей, а также поведал о деяниях, которые они совершили.

Тогда царица позвала свою служанку и сказала: "Принеси мне из моей комнаты драгоценный рог для питья". И служанка принесла его, и Грания наполнила его до краев и сказала: "Отнеси его Финну и скажи, что я хочу, чтобы он выпил из него".

И Финн отпил из рога, а затем передал его Кормаку-королю. И король выпил из него, а также королева.

И снова Грания наполнила рог до краев, и еще, и еще, пока из него не выпили все, кого она пожелала. И не прошло много времени, как на всех, кто пил, опустился глубокий сон.

Тогда Грания медленно поднялась со своего места и пересекла зал к тому месту, где сидел Дермат, ибо Дермат из тех вельмож, что привел с собой Финн, понравился ей больше всех. И обратилась она к нему со следующими словами:

Дермат, от сидевшего рядом со мной чемпиона я узнала твое имя, но еще до того, как я его узнала, я полюбила тебя. Разве не наблюдала я за тобой из солнечного окна моей комнаты в день матча по херлингу? Ты не принимал никакого участия в состязании, пока, увидев, что игра идет против людей Аллена, не бросился в толпу и трижды забил гол. В тот день сердце мое устремилось к тебе, и теперь я знаю, что люблю только тебя. Горе мне за неосторожные слова, что привели Финна сюда. Он старше Кормака, моего отца, и за него я не пойду замуж. Поэтому, молю тебя, беги со мной отсюда".

Дермат

[Посмотреть большее изображение](#)

С горечью слушал Дермат эти слова и в конце концов ответил: "Недостоин я любви твоей, и нет в Эрине такой твердыни, которая укрыла бы нас от гнева Финна, если бы это случилось".

Когда Грания услышала слова Дермата, она сказала: "Я даю тебе торжественный обет, что ты последуешь за мной из Тары, пока Финн не проснулся. И ты знаешь, что нет истинного героя, который сдержит свою клятву даже до смерти".

"Даже если бы мы так захотели, - ответил Дермат, - мы не смогли бы бежать из Тары, ибо Финн хранит ключи от великих ворот".

"Но ты можешь бежать, если захочешь, - сказала Грания, - ибо такой чемпион, как ты, может перемахнуть через самую высокую стену в Эрине. Я выйду через калитку, ведущую из моих покоев, и, если ты не последуешь за мной, я одна убегу от глаз Финна". Сказав так, Грания вышла из зала.

Тогда Дермат оказался в тяжелом положении: он не хотел отступать от торжественной клятвы, которую дала ему Грания, и в то же время боялся, как бы принцесса не избежала гнева Финна.

Он посоветовался с вельможами, которые пришли сюда с Финном, и не нашлось ни одного, кто бы не сказал: "Хоть смерть тебя постигнет, ты не можешь отступить от своего торжественного обета".

Тогда Дермат встал и, вооружившись, со слезами на глазах попрощался со своими спутниками, ибо знал, что они больше не увидят его лица.

Он отправился в путь, с необычайной легкостью преодолел вал и опустился на зеленую траву за ним. И там его встретила Грания.

И сказал Дермат принцессе: "Молю тебя, вернись в дом отца твоего, и Финн ничего не услышит об этом".

Но воля Грании была тверда, и она сказала: "Я не вернусь ни сейчас, ни в будущем, ибо только смерть разлучит меня с тобой".

Тогда иди вперед, о Грания, - сказал Дермат, и они отправились в путь.

Но когда они прошли не более мили от Тары, Грания сказала Дермату, что устала.

И Дермат сказал: "Самое время устать, о Грания. Возвращайся в свой дом, ибо даю тебе слово истинного воина, что не унесу тебя из дома отца твоего".

"Да и не нужно, - ответил Грания, - ибо кони моего отца сами по себе на огороженном лугу, и колесницы вы найдете там же. Запряги двух коней в колесницу, и я буду ждать тебя на этом месте, пока ты не догонишь меня".

Тогда Дермат сделал так, как сказал Грания, привел коней и колесницу, и они поехали.

Когда же они подъехали к берегу реки Шаннон, Дермат сказал: "Теперь, когда у нас есть лошади, Финну будет легче идти по нашему следу".

"Тогда, - сказала Грания, - оставь лошадей на этом месте, а я отныне буду путешествовать пешком".

А Дермат, видя, что принцесса не сдвинется с места, рассказал ей, как велика его любовь к ней и как он готов защищать ее даже своей жизнью от гнева Финна.

И Дермат женился на Грании, и дали они торжественную клятву, что будут верны друг другу до самой смерти.

Затем Дермат с нежностью поднял жену на свои сильные руки и перенес ее через брод, и ни подошва ее ноги, ни подол ее мантии не коснулись потока.

После этого Дермат перевел одну из лошадей через брод, а другую оставил на дальней стороне.

Дермат и Грания шли, пока не пришли в густой лес, и там Дермат срубил ветки с деревьев и сделал шалаш, а для Грании постелил мягкие камыши и верхушки берез.

И там Грания отдыхала, а Дермат приносил ей лесную еду и воду из чистого источника.

В Таре был ранний рассвет, когда Кормак и Финн пробудились от глубокого сна.

Когда Финн узнал, что Грания бежала с Дерматом, велик был его гнев, и он призвал к себе своих вельмож и приказал им со всей быстротой отправиться по следу Дермата и Грании.

И Финн отправился с ними, и путь был труден, пока они не пришли к реке Шеннон, но там она затерялась, и никто не мог ее найти.

Тогда Финн разгневался так сильно, что сказал, что повесит своих вельмож, и ни одного не пощадит, если они снова не найдут след, и притом со всей быстротой.

И вот, сильно испугавшись, они переправились через реку, а когда поискали, то увидели коней по одному с каждой стороны и нашли то место, где Дермат и Грания свернули с реки.

И когда они рассказали об этом Финну, тот был доволен, ибо знал наверняка, что Дермат и Грания спрятались в глухом лесу.

Среди вельмож были те, кто любил Дермата и хотел бы спасти его от ненависти Финна. И один из них сказал: "Нам следует послать Дермату предупреждение. Пошлем к нему Брана, гончую Финна, ибо Бран любит Дермата, как своего хозяина".

И они позвали гончую и по секрету сказали ей, что она должна делать.

Бран слушал, наострив уши, а потом, не теряя времени, пошел по следу и ни разу не сбился с него, пока тот не привел его к хижине. Войдя внутрь, он застал Дермата и Гранию спящими и уткнулся головой в грудь Дермата.

Дермат проснулся от неожиданности, и, когда он увидел Брана, гончей не нужно было рассказывать, откуда он пришел.

Тогда Дермат разбудил свою жену и сказал ей, что Финн рядом.

Великий страх отразился в глазах Грании, когда она услышала, и она взмолилась, чтобы они бежали.

Но Дермат ответил: "Если бы мы бежали, Финн все равно догнал бы нас, и было бы так же плохо попасть в его руки тогда, как и сейчас, но ни он, ни его люди не должны входить в эту хижину без моего разрешения".

И все же Грания очень боялась, но ничего больше не говорила, ибо в глазах Дермата читалась мрачность.

Пока Бран все еще оставался у хижины, вельможи, любившие Дермата, придумали еще одно предупреждение, чтобы послать своему другу. С ними был слуга, чей голос был так громок, что его можно было услышать за много миль, и они заставили этого человека трижды крикнуть, чтобы Дермат услышал.

И когда Дермат услышал крики, он сказал Гранию: "Хорошо я знаю, чей это голос, и хорошо я знаю, что это предупреждение о том, что Финн близок".

Тогда великий страх овладел Гранией, и она задрожала, и снова сказала: "Убежим, ибо как нам противостоять гневу Финна?"

Но Дермат сказал: "Мы не убежим, но ни Финн, ни его люди не войдут в хижину без моего разрешения".

Тогда Гранию охватило предчувствие, но больше она ничего не говорила, ибо печален и суров был голос ее мужа, а в глазах его читалось уныние.

Добравшись до леса, Финн послал вперед своих людей, но когда они подошли к самой густой части леса, то увидели ограду, через которую не мог пробиться ни один человек. Ибо Дермат расчистил место вокруг своей хижины и вокруг этого места возвел крепкую ограду.

Тогда вельможи взобрались на высокое дерево и с него заглянули внутрь ограды, а там увидели Дермата и с ним даму.

Но из любви к Дермату вельможи скрыли от Финна, что видели его врага. И один из них сказал ему: "Далеко не в уме Дермата ждать тебя здесь, зная, что жизнь его в опасности".

Тогда гнев Финна усилился, и он ответил: "То, что Дермат считает тебя своим другом, ничего ему не даст. Разве не для того, чтобы предупредить его, твой слуга издал три крика, и разве не для того, чтобы предупредить его, ты послал к нему моего пса Брана? Я прекрасно знаю, что Дермат спрятан за этой крепкой оградой".

И Финн громко воскликнул: "Кто из нас, Дермат, говорит правду? Ты за забором?"

Ты, как всегда, прав, о король, - сказал Дермат. Я здесь, и со мной Грания, но никто другой не должен приходить сюда, кроме как с моего разрешения".

В ограде круга было семь дверей, и у каждой двери Финн поставил крепких людей, чтобы Дермат ни в коем случае не смог убежать.

И Грания, услышав голос Финна, исполнилась страха и сильно затрепетала. Тогда Дермат трижды поцеловал ее и велел не унывать, ибо все еще будет хорошо.

Дермат воспитывался у Ангуса из Бруги. Ангус был очень искусен в магии, и ему было безразлично положение Дермата, которого он любил, как собственного сына.

И вот Ангус встал и полетел на крыльях ветра, пока не пришел к хижине, где жили Дермат и Грания, и, не замеченный Финном и его вождями, вошел в жилище.

И Дермат, увидев своего приемного отца, радостно приветствовал его и рассказал ему о торжественном обете, который дала ему принцесса Грания, и о том, что она стала его законной женой. И теперь мы в тяжелом положении, потому что Финн, по чьей воле я женился на Грании, преследует нас и хотел бы лишить меня жизни.

Не беда, - сказал Ангус, - если вы укроетесь под моей мантией, один с правой стороны, а другой с левой, ибо тогда я выведу вас обоих отсюда, и Финн не узнает об этом".

Но Дермат не хотел бежать от Финна, и все же по его воле Грания должна была отправиться с Ангусом. И я последую за ней, если будет так, что я покину это место живым, но если меня убьют, молю тебя, Ангус, пошли принцессу к ее отцу и попроси его, чтобы он поступил с ней мягко".

Тогда Дермат поцеловал Гранию, а Ангус, указав путь, по которому они пойдут, положил принцессу под свою мантию и унесся на крыльях ветра, не замеченный Финном.

Когда Ангус и Грания ушли, Дермат надел доспехи и, глубоко задумавшись, подошел к одной из семи дверей и спросил, кто за ней.

И пришел ответ: "Мы - верные друзья, и не будет тебе зла, если ты решишься выйти".

Но Дермат ответил: "Я ищу дверь, которую охраняет Финн, и ни через какую другую я не выйду отсюда".

Он подошел к другой двери и спросил, кто за ней, и снова ему ответили: "Твои закадычные друзья".

Затем Дермат подошел к третьей, к четвертой и к пятой двери, и у каждой из них ему рассказывали, как люди, находящиеся за дверью, готовы биться насмерть за свою любовь к нему.

Но когда Дермат подошел к шестой двери и спросил, кто ее охраняет, то получил ответ: "Нет твоих друзей, ибо если ты осмелишься выйти, то мы сделаем тебя меткой для наших мечей и копий".

Труссы, никакой страх перед вами не заставит меня выйти вперед, но я не жажду крови таких, как вы".

И он подошел к седьмой двери и спросил, кто за ней. И голос Финна ответил: "Тот, кто ненавидит тебя, и отрубит голову твою от тела твоего, если ты осмелишься выйти".

Наконец-то я нашел ту дверь, которую искал, ибо через дверь, которую охраняет Финн, только через нее я выйду".

Но Дермат, увидев вдруг неохраняемое место, легким прыжком перемахнул через ограду и побежал так быстро, что вскоре оказался вне досягаемости меча или копья. И никто не осмелился преследовать Дермата. Герой не успокоился, пока не пришел в теплую, хорошо освещенную хижину, где Грания сидела с Ангусом перед пылающим костром.

Когда Грания увидела Дермата, сердце ее заколотилось от радости. Тогда он рассказал ей свою новость от начала до конца, и после еды они спокойно спали до утренней зари.

И пока было еще рано, Ангус попрощался с ними, оставив им такое предупреждение, зная, что Финн будет преследовать их и дальше: "Не входите ни в одно дерево, у которого только один ствол; ни в одну пещеру, у которой только одно отверстие; не высаживайтесь ни на одном острове, у которого только один путь; где вы готовите пищу, там не ешьте; где вы едите, там не спите; и где вы спите сегодня ночью, там не вставайте завтра". [Сноска: Ангус имел в виду, что Дермат должен менять место ночлега в течение ночи].

И когда Ангус покинул их, Дермат и Грания печалились о нем, и прошло совсем немного времени, прежде чем они отправились в путь.

Все, что случилось с Дерматом и Гранией, невозможно рассказать в этой книге, но о великане Шарване и фее Быстрого дерева вы услышите сейчас.

После долгих странствий Дермат пришел с Гранией в лес, где Шарван охранял быстрорастущее дерево. Медово-сладкими были ягоды этого дерева, и радость текла по жилам того, кто их ел. И хотя ему было сто лет, но, съев три ягоды феи, он становился тридцатилетним.

Днем великан Шарван сидел у подножия дерева, а ночью - в шалаше на его ветвях, и никто не смел к нему приблизиться. Страшен на вид и злобен был этот Шарван. Один глаз, один красный глаз сверкал из середины его черного лба. На теле его был железный пояс, а из пояса - тяжелая дубина, подвешенная на тяжелой цепи. И только волшебство спасло Шарвана от смерти, ибо ни вода не утопила его, ни огонь не сжег; не было оружия, кроме одного, которое могло бы ранить великана. Этим оружием была булава самого Шарвана, и если бы он нанес ею три удара, то гибель его была бы близка.

Дермат знал о великане, охраняющем дерево феи, поэтому он оставил Гранию в укрытии и отправился один к подножию дерева. А там сидел Шарван, ибо был день.

И рассказал Дермат великану, как бы он хотел построить хижину в лесу и охотиться среди лесов.

Тогда великан, окинув чемпиона красным взглядом, угрюмо сказал ему, что ему все равно, кто живет или охотится в лесу, лишь бы не есть ягод кипрея.

Тогда Дермат построил хижину у чистого колодца, и там они с Гранией прожили в мире много дней, питаясь лесной пищей и запивая ее водой из источника.

В это время на зеленых склонах Аллена к Финну пришли два вождя. И когда он спросил их, кто они такие и откуда пришли, они рассказали, что они враги, которые хотели бы заключить мир.

Но Финн ответил: "Чтобы получить от меня мир, вы должны принести одно из двух. Либо вы должны принести мне голову воина, либо горсть ягод с быстрорастущего дерева".

Тогда сказал Ойсин, сын Финна: "Советую вам, уходите, ибо голова, которую король ищет у вас, - это голова Дермата, и если бы вы попытались взять ее, то Дермат взял бы вашу, будь вас в двадцать раз больше, чем сейчас. А что касается ягод кипрея, то знайте, что они растут на сказочном дереве, которое охраняет одноглазый великан Шарван".

Но оба вождя были тверды и не желали отступать, ибо лучше умереть в своем походе, чем вернуться на холмистые склоны Аллена, враждуя с Финном. И они покинули дворец и шли без отдыха, пока не пришли к хижине Дермата у чистого колодца.

Услышав шаги, Дермат схватил свое оружие и, подойдя к двери, спросил у чужеземцев, кто они и откуда пришли.

И вожди назвали свои имена и рассказали, по какой причине они пришли.

Тогда Дермат сказал: "Я не хочу отдавать вам свою голову, и вам нелегко будет ее взять. Не надейтесь вы и на лучшее в поисках ягод кипрея, ибо дерево охраняет угрюмый великан Шарван. Огонь не сожжет его, вода не утопит, и нет оружия, способного ранить его, кроме его собственной дубины. Итак, скажите, за что вы будете сражаться в первую очередь: за мою голову или за ягоды кипрея?"

И они ответили: "Сначала мы сразимся с тобой".

Тогда они приготовились, и было решено, что в бою они не будут использовать ничего, кроме своих рук. И если Дермат будет побежден, то его голову вожди должны отдать Финну; если же они будут побеждены, то их головы должны быть отданы Дермату.

Но бой был коротким, ибо вожди были как дети в руках героя, и он связал их горькими узами.

Когда Грания услышала о ягодах кипрея, ей очень захотелось попробовать их. Сначала она ничего не говорила, так как знала, что их охраняет угрюмый великан Шарван; но когда она уже не могла скрывать своего желания, то сказала Дермату: "Так сильно я жажду ягод быстрорастущего дерева, что если я не смогу их съесть, то непременно умру".

И Дермат, который не желал зла своей дорогой жене, сказал, что принесет ей ягоды.

Когда оба вождя услышали это, они стали молить Дермата освободить их от уз, чтобы они тоже могли сразиться с великаном.

Но Дермат ответил: "При одном только виде Шарвана вы обратились бы в бегство, и даже если бы это было не так, я не желаю помощи ни от кого".

Тогда вожди попросили дать им возможность увидеть бой, и Дермат разрешил им.

Когда чемпион подошел к подножию быстрорастущего дерева, он обнаружил там спящего Шарвана. Он нанес великану сильный удар, чтобы разбудить его.

Тогда Шарван поднял голову и, глядя на Дермата своим единственным красным глазом, сказал: "До сих пор между нами был мир, почему же теперь мы должны от него отступать?"

Дермат ответил: "Не для того я пришел сюда, а для того, чтобы попросить у тебя ягод с быстрорастущего дерева, ибо Грания, жена моя, очень их жаждет".

Но великан ответил: "Даже если бы царица была на волосок от смерти, я бы не дал ей ягод с быстрорастущего дерева".

Услышав это, Дермат сказал: "Мне было приятно оставаться в мире с тобой, но теперь я должен взять ягоды с дерева, будь на то твоя воля или нет".

При этих словах Шарван сильно разгневался и своей дубиной нанес Дермату три сильных удара. Но чемпион, оправившись, бросился на великана и, схватив свою огромную дубину, не переставал избивать его, пока тот не упал на землю мертвым.

Тогда Дермат сел отдохнуть. А пленным вождям он велел оттащить тело великана в лес и закопать его, чтобы Грания не испугалась. А когда они вернулись, он послал за принцессой.

А Грания, подойдя к дереву, не стала собирать плоды, ибо сказала: "Я не буду есть никаких ягод, кроме тех, что сорваны рукой моего мужа".

Тогда Дермат сорвал ягоды, и Грания поела и осталась довольна.

Тогда чемпион дал ягоды кипрея пленным вождям, сказав: "Возьмите их Финну и тем завоюйте себе мир". И сказал он это так, словно они были свободными людьми.

Они поблагодарили героя за его слова, а также за ягоды, которые они не смогли бы добыть сами. Затем, попрощавшись с Дерматом и Гранией, они отправились в путь к холмистым склонам Аллена.

Когда они ушли, Дермат и Грания взобрались на вершину быстрорастущего дерева, в хижину Шарвана, и ягоды внизу оказались совсем горькими по сравнению с теми, что были наверху на дереве.

Когда два врага Финна пришли к Аллену, он спросил их, как они прошли путь, и принесли ли они с собой голову Дермата или горсть ягод с быстрорастущего дерева.

И они ответили: "Великан Шарван убит, и вот мы принесли тебе ягоды с дерева, чтобы отныне мы жили в мире".

Тогда Финн взял ягоды в руки и, понюхав их трижды, сказал: "Поистине, это ягоды быстрорастущего дерева, но не своими силами вы их добыли. Я хорошо знаю, что Дерматом был убит великан Шарван, и из его руки вы взяли эти ягоды. Поэтому нет вам от меня покоя, и сейчас я созову войско, чтобы отправиться в лес быстрорастущего дерева, ибо там, несомненно, обитает Дермат".

Когда Финн пришел со своим войском к быстрорастущему дереву, был полдень, и солнце светило с большим жаром.

Поэтому Финн сказал своим людям: "Под этим деревом мы отдохнем, пока не сядет солнце, ибо я хорошо знаю, что Дермат находится среди ветвей. Принесите сюда шахматную доску, чтобы я мог сыграть".

И Финн сел играть с Ойсином, сыном его, но с Ойсином были три вельможи, чтобы помочь ему, а Финн играл без помощи.

Они играли осторожно и умело, пока наконец Финн не сказал своему сыну: "Я вижу один ход, Ойсин, который выиграл бы тебе партию, но нет никого из твоих помощников, кто мог бы показать тебе, как ты можешь выиграть".

Тогда Дермат, наблюдавший за игрой с ветвей над головой, вслух проговорил про себя ход, который должен быть сделан.

А Грания сидела рядом с мужем, не в силах успокоиться. "Неважно, Дермат, - сказала она, - выиграет Ойсин или проиграет игру, но если ты заговоришь так, что они услышат, это может стоить тебе жизни".

Дермат не послушал совета Грании, сорвал ягоду и прицелился так метко, что попал в шахматную фигуру, которую должен был передвинуть Ойсин.

И Ойсин передвинул его и выиграл партию.

И снова Финн играл против Ойсина и его друзей, и снова Ойсину нужно было сделать всего один ход, чтобы выиграть партию.

Тогда Дермат, как и прежде, бросил ягоду, и она попала в нужного человека.

Ойсин передвинул фигуру и выиграл партию.

В третий раз Ойсин, сын Финна, сыграл против отца, и все пошло по-прежнему, ибо он снова выиграл с помощью Дермата. И на этот раз вельможи подняли шумное ликование.

Но Финн сказал: "Не удивительно, Ойсин, что ты победил в игре, ведь тебе наверняка помог Дермат, живущий среди ветвей быстрого дерева". И, подняв голову, он сказал: "Разве я, Дермат, не говорил правду?"

Я никогда не ошибался в твоих суждениях, о царь, - ответил Дермат. По правде говоря, я живу здесь с Гранией в хижине, которую построил великан Шарван".

И они подняли головы, и сквозь просвет в ветвях увидели, как Дермат трижды поцеловал Гранию, ибо царица была в большом страхе.

Тогда Финн очень разгневался и велел своим людям окружить дерево, держа каждого за руку, чтобы Дермат ни в коем случае не мог сбежать. И он предложил большую награду тому, кто полезет на дерево и принесет ему голову героя или заставит его спуститься.

Тогда один из людей Финна сказал: "Это отец Дермата убил моего отца, поэтому я полезу на дерево". И он поднялся.

Тут Ангусу из Бруги стало известно, что Дермат в тяжелом положении, и он на крыльях ветра прилетел к нему на помощь, не замеченный ни Финном, ни его вождами. И когда мститель взобрался на дерево, Ангус был там. И когда Дермат ударом ноги свалил своего врага на землю, Ангус заставил его принять облик Дермата, и по этой причине люди Финна обрушились на него и убили.

Но едва он был убит, как снова принял свой облик, и Финн узнал, что Дермат все еще жив в быстром дереве. Девять раз влезал человек из войска Финна на дерево, и девять раз его сбрасывали на землю и убивали его же друзья. Каждый раз Ангус заставлял воина принимать облик Дермата.

Когда Финн увидел, что девять его воинов лежат перед ним мертвыми, сердце его не выдержало, а душа наполнилась горечью.

Тогда Ангус сказал, что заберет Гранию с собой. Дермат был доволен и сказал: "Если будет так, что я доживу до вечера, я последую за тобой, но если Финн убьет меня, молю тебя, отправь принцессу к ее отцу в Тару".

Тогда Ангус накинул на Гранию свою волшебную мантию, и на крыльях ветра они понеслись в Бругу, неведомые ни Финну, ни его людям.

Тогда Дермат произнес с дерева: "Тебе не избежать моей мести, о Финн, и нелегко будет встретить мою смерть. Много раз я расчищал тебе дорогу, когда ты шел на битву, и много раз я прикрывал твое отступление, когда ты уходил с поля боя. Но ты не помнишь о моей помощи, и я клянусь, что буду отомщен".

Когда герой замолчал, один из вельмож Финна сказал: "Дермат говорит правду, поэтому даруй ему свое прощение".

Но Финн ответил: "Я до конца своих дней не дам ему прощения, и не будет он знать ни отдыха, ни покоя, пока не отдаст мне свою голову".

И снова заговорил благородный: "Клянусь тебе словом истинного воина, что, если только небо не обрушится на меня или земля не разверзнется и не поглотит меня, Дермату не будет причинен никакой вред, ибо под мою опеку я беру его тело и его жизнь". И, подняв голову, благородный воскликнул: "О Дермат, я клянусь тебе своим телом и своей жизнью, что никакая беда не постигнет тебя в этот день, поэтому спускайся с дерева".

Затем Дермат поднялся и встал на высокий сук. С воздушным, птичьим порывом он рванулся вперед и приземлился за пределами круга, образованного соединившимися людьми, и вскоре оказался далеко за пределами досягаемости Финна.

А спасший его благородный последовал за ним, и они вместе приехали в Бругу, а там их встретили Ангус и Грания, и радость принцессы не передать.

Но прошло совсем немного времени, и Дермат снова оказался в тяжелом положении, потому что Финн последовал за ним в Бругу, а вместе с Финном пришла его старая кормилица. А она была ведьмой.

Случилось так, что в тот день, когда они пришли туда, Дермат охотился в лесу один. И ведьма летела на листе желтой кувшинки, пока не оказалась прямо над тем местом, где был Дермат. Тогда через отверстие в листе она метнула в героя смертоносные дротики, и, хотя он был облачен в крепкие доспехи, они нанесли ему большой вред.

Раны были так сильны, что Дермат решил, что ведьма убьет его на месте, если он не сможет пронзить ее через дыру в листе.

Поэтому он взял свое красное копье и метнул его со всей тщательностью. И так точно он прицелился, что попал в ведьму через лист, и она упала на землю замертво. Тогда Дермат отрубил ей голову и отнес ее Ангусу.

Рано утром Ангус встал и пошел туда, где был Финн, и спросил его, не хочет ли он помириться с Дерматом.

И Финн, поскольку теперь он потерял не только свою колдунью, но и многих мужчин, был рад заключить мир любым способом, какой бы Дермат ни выбрал.

Тогда Ангус отправился к Кормаку, и тот тоже был рад заключить мир с героем.

Но когда Ангус пришел к Дермату, он сказал, что не заключит мира, пока не получит от Финна и Кормака все обширные земли, которые он просил.

И Кормака с Финном отдали ему эти земли и простили все, что он сделал.

И был наконец заключен между ними мир, и построили Дермат и Грания дом в Слайго, далеко от Кормака и Финна, и называли они дом свой Рат-Грания. И родились у них одна дочь и четыре сына.

И говорили, что не живет в Эрине человека богаче Дермата золотом и серебром, овцами и стадами скота.

И вот настал день, когда спустя много лет Грания сидела как во сне. И спросил Дермат свою жену, в какой беде она пропала, ибо хорошо видел, что ей не по себе.

И ответила Грания: "Мне кажется нехорошим, что, имея такое большое богатство, мы живем вдали от мира и не принимаем в своем доме ни отца, ни Финна, хотя с обоими мы теперь в мире".

Дермат прислушался к словам жены, а затем произнес: "По правде говоря, между нами мир, но ты хорошо знаешь, что ни твой отец-король, ни Финн не питают ко мне ничего, кроме недоброжелательства, и по этой причине мы живем порознь".

"Однако время смягчит их сердца, - ответила Грания, - и если ты устроишь для них пир, то сможешь завоевать их расположение и любовь".

И Дермат из любви к Грании исполнил ее желание, и в течение года они готовились к великому празднику.

Тогда были посланы гонцы, чтобы позвать Кормака и Финна. И они приехали, а с ними их вельможи, их кони и их собаки, и целый год они охотились и пировали в Рат-Грании.

Когда прошел год, случилось однажды ночью, что далекое тявканье гончей разбудило Дермата ото сна, и Грания тоже проснулась и в великом страхе сказала: "Поистине, этот звук предвещает недоброе. Не обращай на него внимания, а ложись на свою постель и отдохни".

Дермат лег, но вскоре снова услышал голос гончей. Тогда он поднялся и сделал вид, что собирается пойти и выяснить, почему гончая нарушает ночную тишину. Но Грания снова умоляла его лечь и не обращать на это внимания.

Тогда Дермат лег и погрузился в легкий сон, и когда гончая разбудила его в третий раз, был уже день. Грания, видя, что он твердо решил, не стала упрашивать его остаться, но, опасаясь опасности, попросила его взять с собой красное копье и меч по имени "Большая ярость".

Но Дермат, сочтя дело легким, взял с собой желтое копье и меч "Меньшая ярость" и, ведя свою верную гончую за цепь, отправился в путь. И не останавливался он, пока не пришел на вершину холма, где нашел Финна, и спросил у него о смысле погони.

И Финн ответил, что люди и гончие отслеживают дикого кабана, за которым уже не раз гнались, но он всегда ускользал. Вот и сейчас он приближался к ним, и поэтому им следовало бы укрыться в каком-нибудь более безопасном месте.

Дермат не знал страха перед кабаном и не хотел покидать вершину холма, на котором стоял. И все же он молил Финна оставить с ним его гончую Брана, чтобы тот мог помочь его собственному псу, если тот будет в этом нуждаться.

Но Финн не хотел оставлять Брана на растерзание дикому кабану, который, как теперь было видно, приближался к ним.

Так и остался Дермат один на вершине холма, прекрасно понимая, что именно там он может встретить свою смерть, что люди Финна в этот день охотились на кабана. И все же он не хотел покидать холм, ибо, если уж ему суждено встретить смерть, ничто не сможет спасти его от гибели.

Когда вепрь подбежал к склону холма, Дермат отпустил свою добрую гончую, но та, увидев страшное чудовище, убежала перед ним.

Теперь Дермат понял, что ему понадобится его красное копье, и пожалел, что не прислушался к советам Грании. И все же, схватив желтое копье, он метнул его, тщательно прицелившись, и оно поразило вепря в лоб. Но оно безвредно упало на землю, не причинив чудовищу никакого вреда.

Тогда Дермат выхватил меч из ножен и мощным ударом обрушил его на шею кабана. Но меч сломался в его руке, и кабан не почувствовал даже укола.

Теперь Дермат был лишен всякого оружия, кроме рукояти меча, и вепрь предпринял смертельный натиск, вонзив свой клык в бок героя. Но Дермат с оставшейся у него силой обрушил рукоять меча на голову зверя, и она пробила его череп, вошла в мозг, после чего вепрь упал замертво.

Но так глубока была рана в боку Дермата, что, когда Финн пришел к нему, он нашел героя близким к смерти.

И сказал Финн: "Теперь я доволен, ибо пришел твой конец".

"Конечно, слова, которые ты говоришь, не от сердца твоего, - ответил Дермат, - ибо в твоей власти исцелить меня, и ты это прекрасно знаешь".

Как я могу исцелить тебя?" - спросил Финн.

Ты знаешь, что тебе дана власть исцелять тех, кто находится на пороге смерти. Дай ему только выпить воды из ладоней твоих сомкнутых рук, и он исцелится от своих ран".

"Но почему я должен исцелять тебя, который не сделал мне ничего, кроме зла?"

Ты бы не говорил так, если бы не помнил о том дне, когда я спас тебя из огня. Ты был приглашен на пир, а перед началом пира дворец подожгли те, кто желал тебе зла. Я и мои люди бросились вперед, погасили пламя и убили твоих врагов. Если бы я попросил воды из твоих рук в ту ночь, ты бы не сказал мне "нет".

Ты забыл, что, если бы не ты, прекрасная Грания была бы моей законной женой".

Конечно, я не виноват в этом, о Финн, ибо Грания дала мне торжественный обет, что я последую за ней из Тары, прежде чем ты очнешься от своего сна. И я советовался со многими вельможами, и не было ни одного, кто бы не сказал: "Пусть даже смерть настигнет тебя, ты не можешь отступить от торжественного обета, который Грания дала тебе". А теперь, молю тебя, дай мне испить из твоих рук, иначе смерть непременно настигнет меня в этом месте. От многих других смертельных испытаний я избавлял тебя, но ты забыл их все. Но настанет час, когда тебе понадобится моя помощь, если ты позволишь мне умереть в этот день. Но не о том скорблю я, что ты окажешься в смертельной беде, а о тех истинных героях, которым я больше не помогу".

Тогда один из вельмож, услышав эти слова, взмолился Финну, чтобы тот позволил Дермату пить из его рук.

Финн ответил: "Я не знаю ни одного колодца на этом холме, откуда я мог бы принести воду".

Но Дермат сказал: "Ты хорошо знаешь, что за вон тем кустом спрятан колодец с хрустальной водой. Не более девяти шагов нужно пройти, чтобы добраться до него. Дай мне, молю тебя, напиться из твоих рук".

Тогда Финн подошел к колодцу и, крепко сжав обе руки, поднес воду к Дермату. Но когда он приблизился, то пролил ее сквозь пальцы, сказав, что не может так далеко нести воду.

Но Дермат не поверил ему и сказал: "По своей воле ты пролил воду. Молю тебя, пойди еще раз к колодцу и принеси мне напиться, иначе я умру".

Король снова пошел к колодцу, и Дермат с ослабевающим зрением следил за капающими руками, которые приближались все ближе и ближе. Но вдруг Финн вспомнил о Грании, и вода пролилась во второй раз. И когда Дермат увидел это, он издал жалобный крик.

Тогда поборники перестали видеть Дермата в таком тяжелом положении, и один из них сказал Финну: "Клянусь тебе, что если ты не принесешь Дермату воды, то не уйдешь с этого холма живым, даже если я стану мертвецом".

Финн, услышав эти слова и увидев их хмурый взгляд, в третий раз отправился за водой из колодца. И на этот раз он поспешил принести ее Дермату, но не успел он пройти и половины пути, как голова героя откинулась назад, и он умер.

Тогда раздались три протяжных крика скорби по Дермату, который был им всем дорог.

По прошествии некоторого времени Финн сказал: "Давайте уйдем с этого холма, чтобы не пришел Ангус, ибо он может не поверить, что Дермат погиб не от наших рук".

И Финн со своими вельможами покинул холм, причем Финн вел за собой гончую Дермата. Но четверо вельмож обернулись и накинули на чемпиона свои мантии. Затем они вновь последовали за королем.

В тот день Грания сидела на самой высокой башне Рат-Грании и следила за Дерматом. Страх, который она ощутила ночью, не утихал, и когда наконец появился Финн, ведя за собой на

цепи дерматскую гончую, она поняла, что отныне не увидит Дермата живым. И когда истина овладела ею, она упала в обморок с башни, а ее служанка стояла над ней в великом страхе.

Но в конце концов глаза ее открылись, и когда ей сказали, что Дермат мертва, она издала долгий, пронзительный крик, так что все сбегались послушать, что случилось с принцессой. А когда ей сказали, что Дермат был убит диким вепрем, воздух огласился плачем.

Наконец, когда скорбь смолкла, Грания встала и приказала пятистам воинам отправиться на холм и принести ей тело Дермата. Затем, обратившись к Финну, она попросила его оставить с ней дерматскую гончую. Финн не согласился. Но один знатный человек, услышав, что Грания желает гончую, взял ее из рук Финна и отдал принцессе.

И вот, когда люди вышли из Рат-Грании, чтобы принести домой тело Дермата, Ангусу из Бруги стало известно, что герой лежит на холме мертвый. И он тотчас же отправился на крыльях ветра и достиг скорбного места, прежде чем туда прибыли посланцы Грании. И когда они пришли, то застали Ангуса скорбящим над телом Дермата, и он спросил их, зачем они пришли.

Когда Ангусу сказали, что Грания послала их принести тело Дермата в Рат-Гранию, он некоторое время оставался в задумчивости. Наконец он произнес такие слова: "Передайте принцессе, что я возьму с собой тело Дермата в свой дом, чтобы он был сохранен моей силой, как будто он еще жив. И хотя я не могу вернуть его к жизни, но каждый день он будет говорить со мной в течение некоторого времени".

И Ангус обратился к своим людям, которых он привел с собой, и приказал положить тело Дермата на золотой одр, с красными и желтыми копьями, по одному с каждой стороны, остриями вверх. Так мертвый герой был доставлен в дом Ангуса.

Когда посланцы Грании вернулись к ней, не принеся с собой тела Дермата, она сначала сильно опечалилась. Но когда она услышала, что герой лежит на золотом одре у своего приемного отца и каждый день подолгу беседует с Ангусом, она была довольна, ибо знала, что Ангус любит Дермата, как отец любит своего единственного сына.

И Грания послала гонцов к своим сыновьям, чтобы они пришли к ней. И когда они пришли, она приняла их ласково и поцеловала. Затем громким и ясным голосом она сказала: "Дорогие дети, ваш отец был убит по воле Финна, хотя между ними был заключен мир. Поэтому ступайте сюда и отомстите за его смерть. А чтобы вы имели успех в битве, я сама распределю между вами ваше наследство - оружие, стрелы и острое оружие. Не щадите никого, кто хотел бы сделать добро Финну, и смотрите, чтобы вы не поступили вероломно ни с кем. Поторопитесь и уходите".

Сыновья Дермата нежно попрощались с матерью и отправились мстить за смерть отца.